

МЕЛИССА
АЛБЕРТ

ОСКОЛКИ НАШИХ СЕРДЕЦ

18+

Мелисса Алберт
Осколки наших сердец
Серия «Хиты молодежной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403440

*Осколки наших сердец;
ISBN 978-5-17-147656-4*

Аннотация

Лето шестнадцатилетней Айви начинается своеобразно – страшные подношения на пороге ее дома, обрывки детских воспоминаний, подозрения... И кажется, ее мать Дана – не та, кем Айви считала ее. Много лет назад у шестнадцатилетней Даны начался головокружительный роман с магией. Но она слишком поздно поняла, что страшные силы, с которыми она играет, тоже играют с ней. Волшебный мир пришел забрать свое.

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	33
Глава пятая	47
Глава шестая	52
Глава седьмая	59
Глава восьмая	64
Глава девятая	71
Глава десятая	79
Глава одиннадцатая	91
Глава двенадцатая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Мелисса Алберт

Осколки наших сердец

Melissa Albert

OUR CROOKED HEARTS

© 2022 by Melissa Albert

© Ю. Змеева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Моей замечательной матери, умеющей любить
без оглядки и не ставшей прототипом матери из
этой книги.*

*Если я однажды напишу о тебе книгу, ты будешь
самой благородной героиней.*

*Ночные кошмары – дело рук ведьм.
Элизабет Уиллис, «Ведьма»*

Часть I

Глава первая Пригород Сейчас

Мы едем слишком быстро. И слишком близко к деревьям, задевая фарами растущие вдоль дороги сорняки. Сорняки шелестят и остаются позади.

– Нейт. – Я вцепилась в пассажирское сиденье. – *Нейт!*

Еще пятнадцать минут назад мы танцевали на вечеринке в честь окончания учебного года, скакали, положив руки друг другу на плечи, а я думала: *надо с ним порвать*. Потом он взял мое лицо в ладони и сказал, что любит меня, а я так опешила, что в ответ не смогла даже соврать.

Я вышла за ним из дома, прошла по лужайке и села в машину, продолжая повторять бесполезные слова, которые люди обычно говорят, когда ранили чье-то эго – а тот, кого ранили, думает, что это не эго, а сердце. Нейт резко дал задний ход, ударил машину о бордюр, но я поняла, что он пьян, лишь когда мы проехали целый квартал.

На светофоре он стал возиться с телефоном. Секунды напряженно тикали. Я даже думала выпрыгнуть из машины.

Потом он дал газу. Из динамиков лилась старая песня «Ясные глаза», и ветер уносил обрывки фраз. Мы свернули на однополосную дорогу, петляющую по заповеднику. Впереди смыкались деревья, мои волосы пушились и развевались на ветру. Я закрыла глаза.¹

Потом Нейт удивленно выкрикнул что-то нечленораздельное и резко выкрутил руль вправо. На миг мы оказались в невесомости, как на американских горках. Машину занесло, потом мы остановились. Меня качнуло вперед, и я сильно ударилась губами о приборную панель.

Я провела языком по зубам и почувствовала вкус крови.

– Какого черта, Нейт?

Нейт выключил зажигание, тяжело задышал, выгнув шею и посмотрел куда-то мимо меня.

– Ты это видела?

– Что?

Он открыл дверь.

– Я выхожу.

Машина остановилась на узкой обочине между дорогой и лесом.

– Здесь? Ты серьезно?

– Хочешь – оставайся, – бросил он и хлопнул дверью.

В подстаканнике стоял стаканчик из забегаловки с растаившим льдом на дне. Я прополоскала рот, свесила ноги из машины и сплюнула кровь на траву. Пахло сырой землей,

¹ Песня Арта Гарфанкела. Здесь и далее примечания переводчика.

губу саднило.

– Эй, ты куда? – крикнула я.

Нейт скрылся за деревьями.

– Кажется, она пошла туда.

– Она? Кто «она»?

– Ты что, не видела? Она стояла посреди дороги. – Он замолчал. – Голая.

Я ахнула, представив, что должно было произойти, чтобы голая женщина оказалась одна в лесу в три часа ночи. Я пошла за Нейтом. Высокая жесткая трава царапала лодыжки.

– Ты ее узнал? Она была ранена?

– Тихо, – сказал он. – Смотри.

Мы стояли на возвышении у ручья, бегущего меж деревьев. Он наполнялся после дождей и мог обмельчать, а мог стать достаточно глубоким, чтобы плавать на каяках. Сейчас глубина была средней, примерно по пояс. Ручей бурлил под ущербной луной. Я угадала его глубину, потому что увидела девушку, за которой мы шли. Она стояла в ручье на коленях, и вода доходила ей до лопаток.

Она и впрямь была голая. Длинные, разделенные прямым пробором волосы колыхались в воде. Я не видела ее лица, но кожа у нее была бледная и почти светилась. Как будто она упала со звезды на землю или вышла из трещины в скале. Ни обуви на берегу, ни мобильного телефона или брошенной рубашки. Как сон наяву.

Ее руки скользили по телу, но без намека на чувствен-

ность: она щипала и похлопывала себя по бокам, словно пытаясь вернуть коже чувствительность. И издавала утробные звуки. Даже не знаю, как их описать. Плач, наверное.

Я почти забыла про Нейта, но он толкнул меня локтем под ребра и улыбнулся коротко и зло. Включил фонарик на телефоне и выставил руку, словно держа в ней горящий факел.

Голова девушки резко дернулась, и я увидела, что она примерно нашего возраста, может, чуть старше; зрачки расширены, а губы... Губы искривлены в улыбке. Она не плакала. Она смеялась.

Нейт хотел подчеркнуть ее уязвимость, но я знала, что на самом деле он хотел уязвить меня. Светить фонариком на девушку было подло, а ему сейчас хотелось быть подлым и злым. Я могла уйти, но представила себя на месте этой девушки и поняла, что она испугалась бы одинокого парня – то ли дело парень и девушка. И вдруг ей нужна помощь? Я уже готова была спросить, нужно ли ей помочь, когда она заговорила.

– Выходите. – Ее голос был низким, певучим. Она говорила со странным акцентом. Следующие слова прозвучали почти как песня: – Кем бы вы ни были – покажитесь, не прячьтесь.

Она поднялась из ручья, как лесная Венера. Грязная речная вода текла по волосам и телу. Между ног у нее темнели целые заросли, как у хиппи семидесятых, и в них сверкали капли. Вдруг она засвистела, пронзительно и громко.

– Покажитесь, черти! Я к вам обращаюсь.

Она была голая, одна и не могла нас видеть, но испугались почему-то мы. Нейт тоже почувствовал перемену в равновесии сил и задрожал.

– Ну ее к черту, – процедил он.

Девушка вышла на берег. Высокая, худая, длинные русалочьи волосы шторкой занавешивали лицо. Но меня поразило, как она держалась; казалось, ее совсем не смущало, что она обнажена, словно она была птицей или ребенком.

Внезапно и резко она подняла руки и растопырила пальцы, как дирижер перед оркестром. Мы вздрогнули, приготовились; казалось, что-то должно было произойти. Когда ничего не случилось, Нейт нервно рассмеялся.

Она упала на четвереньки. Неотрывно глядя на нас, принялась шарить руками по земле, пока не нащупала палку, толстую и длинную. Подняла ее и встала. Нейт чертыхнулся, сунул телефон в карман, и девушка замерла, хотя уже двинулась в нашу сторону. Фонарик погас, теперь она нас видела.

– Айви, пойдем, – пробормотал Нейт.

– Айви.

Девушка повторила мое имя. В ее устах оно прозвучало холодно, тяжеловесно. Я прищурилась: вдруг я ее знаю?

– Ты чего застыла? Пошли! – Нейт так сильно дернул меня за руку, что плечо заболело. И ушел, чертыхаясь на ветки, хлеставшие его по лицу, и колдобины под ногами.

На мне была майка и застиранная кофта из секонд-хенда,

тонкая, почти прозрачная. Я сняла ее и бросила девушке, а потом последовала за Нейтом.

– Спасибо, Айви, – сказала она, когда я была уже далеко.

Я вышла на дорогу; Нейт уже сидел в машине и нетерпеливо барабанил по рулю.

– Садись! – скомандовал он.

Испуганная, растерянная, я послушалась. Он повернул ключ в зажигании. Загромыхала музыка, и мы одновременно потянулись к выключателю, а потом отдернули руки, словно прикосновение могло обжечь.

Я заговорила, лишь когда мы выехали из чащи.

– Эта девушка... Слышал, как она произнесла мое имя?

Он пожал плечами.

– Думаешь, она меня знает? – не унималась я. Вряд ли я смогла бы забыть девушку с такой характерной внешностью и кожей цвета высосанного досуха лимона.

– Почему я знаю, – угрюмо огрызнулся Нейт.

Я повернула зеркало, осмотрела губу и тихо выругалась. Губа распухла, как половинка абрикоса.

Остаток пути мы проехали в вязкой тишине. Когда Нейт остановился в конце дороги, ведущей к моему дому, я потянулась к пассажирской дверце. Она оказалась заперта.

Я резко обернулась к нему.

– В чем дело?

Он включил свет и ахнул.

– Ого, как сильно ты ударилась. Слушай, прости. Ты нор-

мально себя чувствуешь?

– Отлично. Выпусти меня.

– Хорошо, но... – Он судорожно сглотнул. – Что скажешь маме?

Я вытаращилась на него. Сигарета за ухом, длинные ресницы – при виде этих ресниц женщины маминого возраста улыбались и говорили: *надо было тебе девочкой родиться, с такими-то глазками*. Я беспомощно рассмеялась.

Он напрягся.

– Что смешного?

– Ты. Ты что, боишься мою маму?

– И что такого? – выпалил он. – Ты тоже ее боишься.

Я вспыхнула и отвернулась. Разблокировала дверь, но он опять ее заблокировал.

– Нейт! Выпусти меня. Сейчас же.

В окно с его стороны забарабанили кулаком.

Нейт подскочил; глаза расширились от страха. Он, верно, думал, что это мама. Но стучал мой сосед, Билли Пэкстон.

Я вгляделась в его лицо. Он жил напротив, но мы никогда толком не разговаривали. Особенно после одного неприятного случая в начале старших классов, вспоминая о котором, я до сих пор немела от стыда и хотела провалиться сквозь землю. Билли тоже был сегодня на вечеринке, но я весь вечер притворялась, что не замечаю его.

Нейт опустил окно и коснулся уха проверить, не выпала ли сигарета.

– Что надо, чувак?

Билли проигнорировал вопрос.

– Айви, ты в порядке?

Я потянулась к водительскому окну.

– Да. Все хорошо.

Билли зажал рукой рот. Его предплечье было испачкано белой краской.

– Это он с тобой сделал?

– Шутишь, что ли? – проревел Нейт.

Мне вдруг показалось, что я сейчас заплачу. От боли, сказала я себе. И от испуга – адреналин выветрился, вот и слезы на глазах.

– Нет, нет. Это машина... резко повернула. Со мной все хорошо.

Билли пристально смотрел на меня. Он был высокого роста, и ему пришлось согнуться почти пополам, чтобы заглянуть в машину.

– Я здесь, если что. – Он показал на крыльцо. – На всякий случай.

– Спасибо за помощь, – саркастически процедил Нейт, но не раньше, чем Билли отошел.

Я резко открыла дверь, с треском захлопнула ее и обернулась.

– Между нами все кончено, – выпалила я.

– Да что ты говоришь, – ответил Нейт и втопил педаль газа.

Я осталась на тротуаре. Губа болела, от усталости меня трясло, но я чувствовала себя легкой, как перышко, и ощущала эйфорию свободы.

Билли кашлянул. Он ждал на крыльце в напряженной позе и по-прежнему смотрел на меня. Я смущенно помахала ему.

– Извини, – сказала я.

– За что?

Он так тихо это произнес, будто я и не должна была услышать. И я уже хотела не отвечать, но боль в губе – пронизывающая, назойливая – заставила меня повернуться.

– Извини, что ты решил, будто должен вмешаться. – Мои слова прозвучали резче, чем я хотела.

Билли сверлил меня взглядом. Потом встал и покачал головой.

– Больше не буду, – сказал он и скрылся в доме.

Я посмотрела на темные окна второго этажа. Через минуту в одном из них загорелся свет, и я отвернулась. В животе плескалась дешевая водка, а на сердце тяжелым грузом легли сожаления. Пора спать, решила я. Пока еще что-нибудь не случилось.

Медленно, стараясь унять дрожь, я отперла входную дверь, чуть-чуть приоткрыла ее и, затаив дыхание, протиснулась внутрь. И тут же, забыв об осторожности, сдавленно вскрикнула – на лестнице сидела мама.

– Мам! – Я опустила голову и прикрыла рукой распухшую

губу. – Ты почему не спишь?

Она наклонилась, и лунный свет, проникавший в окно над дверью, осветил ее лицо. Огненно-рыжие волосы стянуты в узел, взгляд острый, как булавка.

– Плохой сон, – ответила она и вскочила, увидев мою губу. – Что случилось? Авария?

Губа пульсировала, как второе сердце.

– Нет. Все в порядке. Аварии не было...

Я физически ощущала на себе ее взгляд.

– Расскажи. Расскажи, как все было.

– Нейт... слишком резко повернул, – ответила я. – Машина съехала на обочину.

– А потом?

Я подумала о незнакомке в лесу, вспомнила, как та похлопывала себя по бокам, белым, как мел.

– А потом ничего. Домой поехали.

– И все? Больше ничего не было?

Я коротко кивнула.

– Ну ладно. – Ее расспросы меня нервировали. Вдруг уголки ее губ поползли вверх. Она заговорщически улыбнулась. – Нейт был пьян?

Меня качнуло, я задумалась. Сейчас она пугала меня куда больше, чем минуту назад, когда была недовольна.

– Угу.

Она коротко кивнула: мол, так я и знала.

– Иди к себе. Ступай.

Я прошла мимо нее, поднялась по лестнице и вошла в свою комнату. Не стала включать свет, рухнула на кровать и закрыла глаза. А когда открыла, мама стояла у кровати и держала пакет со льдом в левой руке, той, что была покрыта шрамами. Она приложила его к моей губе.

– Головой не ударилась? – К ней вернулось самообладание, она словно спрашивала, который час. – Сотрясения мозга точно нет? Только не ври.

Я прижалась к холодному пакету. Когда она в последний раз так за мной ухаживала? Я попыталась вспомнить, но тьма в голове бушевала, как океан.

– Голова в порядке, – пробормотала я. Я находилась в том ужасном пограничном состоянии, когда человек еще пьян, но уже страдает от похмелья. – Говорю же, ничего страшного. Нейт даже не ударился.

– Он-то не ударился, – ее тихий голос дрожал от ярости, – а вот моя дочь похожа на боксера.

– Дана. – Отец вдруг возник на пороге, закрыв собой свет из коридора, положил руку ей на плечо. Я пыталась не щуриться, когда он подошел, а мама отступила в тень. – Чему мы тебя учили? – сказал он. – Ты зачем села с пьяным в машину?

– Не знаю.

Он тяжело, по-родительски вздохнул.

– Надоели твои отговорки. Ты хоть понимаешь, чем это могло кончиться?

Мой взгляд цеплялся за потолочный вентилятор, вращавшийся над его плечом. Я сонно пыталась сосчитать лопасти.

– Не знаю, – повторила я. – Чем-то плохим?

Я не хотела дерзить, но он так не думал. Терпеливым и недовольным тоном он продолжал свою тираду. И когда закончил объяснять, какой я была дурой, я уже почти спала. Я провалилась в темноту и оставалась там до утра, а в первый день летних каникул встала с похмельем и разбитой губой.

В глубине моей памяти зрела тайна. Но девушку из воды я вновь увидела лишь через несколько дней.

Глава вторая

Пригород

Сейчас

Зазвонил телефон. Звук проник в мои сны, смешавшись со скрипом тормозов машины Нейта, с криком, по-прежнему звеневшим в моих ушах, с кличем ночной птицы, что парила в вышине и преследовала меня, пока я бежала по черному лесу за девушкой, бледной, как упавшая звезда. Наконец звонок вернул меня в реальность, и сон отступил, как соленое море.

Я лежала и моргала, прогоняя образы из сна. Сны я всегда забывала. Всегда. Никто мне не верил, но я не лгала. Прежде чем ответить, я одним глазом взглянула на экран.

– Смотри-ка, да ты жива. – В трубке раздался едкий и звонкий голос Амины. – Пятнадцати сообщений мало? Надо было двадцать прислать?

– Не кричи, – поморщившись, проговорила я. Во рту все болело. Мир спросонья казался подернутым вазелиновой пленкой. – Я вчера поздно легла.

Я залпом выпила стоявший у кровати стакан воды, потом рассказала лучшей подруге обо всем, что случилось вчера. Вечеринка, ссора, девушка на дороге. Неудачная попытка проскользнуть в дом незамеченной. Я рассказывала ей про

Нейта и чувствовала, как она закипает.

– Я его прикончу! – выпалила она, когда я договорила. – Видела, что он вчера пил? Абсент, – с притворным ужасом сказала Амина. Ее хлебом не корми, дай посплетничать. – Хотя, возможно, это была водка с зеленым красителем, но все же. С тобой точно все в порядке?

– Все нормально. Правда.

– Ну да. У тебя и голос такой. Как будто все нормально.

Я не поняла, к чему она клонит.

– И что? Что-то не так?

– Нет, но... я думала, ты разозлишься. Я бы на твоём месте разозлилась. Он мог тебя угробить.

– Я злюсь, – ответила я.

Я ведь злилась? Осторожно, словно ковыряя больной зуб, я сверилась со своими чувствами. Амина вздохнула.

– Ну да ладно. Все равно Нейт козел. Говоришь, мама ждала тебя на лестнице? Ругалась?

Я потерла глаза.

– Да не особо. Почему вы все её боитесь?

Амина замолчала, и я сначала решила, что она сейчас отшутится, возразит. Но когда она заговорила снова, ее голос был мрачным. И серьезным.

– Ты же знаешь, что всегда можешь прийти ко мне и переночевать? Если вдруг понадобится.

Я и так практически жила у нее. Раньше по субботам мы по очереди ночевали друг у друга, но пару лет назад она стала

придумывать отговорки, чтобы не оставаться у меня. Амина во всем любила порядок – у нее была особая система много-ступенчатого ухода за кожей, от которой она не отклонялась ни на шаг, она пила только один сорт чая, который умел заваривать только ее отец, и засыпала исключительно на своих двух подушках, которые приносила с собой. Так что я настаивать не стала. Но сейчас, услышав ее слова, нахмурилась.

– Да, знаю. Но с чего мне это вдруг может понадобиться? Она снова замолчала, а потом произнесла:

– А девушка, которую ты видела – она правда была голая? То есть, совсем?

Я подозрительно прищурилась: с чего это она так резко сменила тему? Но допытываться не стала.

– Ну да, – ответила я.

– И стояла посреди дороги?

– Наверно. На дорогу я не смотрела, слишком волновалась, что мы умрем.

– Я его прикончу, – ледяным голосом повторила она.

– Вставай в очередь. Мой папа тоже хочет.

– И мама. Она и труп поможет спрятать при случае.

– Сначала сама убьет, потом поможет спрятать.

– А знаешь, что мне больше всего понравилось? – хитро произнесла Амина. – Когда твой красавчик-сосед явился тебе на подмогу.

– Амина, – предупреждающе проговорила я.

– Что?

– Не беги впереди поезда.

– Я никогда не бегу впереди поезда.

Я рассмеялась.

– Пожалуй, я еще посплю. Люблю тебя.

– И я тебя, – ответила она.

Не успела я отложить телефон, как на экране появилось сообщение от Нейта.

Зачем я трачу

Драгоценные минуты

На тех, кому совсем нет дела

До меня

Хайку из Инстаграма или текст грустной песни? Я не стала гуглить – он небось только этого и ждал, – но разозлилась и уснуть уже не смогла. Изменила его имя в списке контактов на «НЕТ» и пошла в ванную посмотреть на губу. Мой братец Хэнк зашел, почесывая голую грудь, а увидев меня, остановился и замер.

– Что случилось? – Он встал рядом и стал разглядывать мою губу в зеркале. – погоди, так вот почему папа орал на тебя посреди ночи?

Я, прищурившись, взглянула на него в зеркало.

– Спасибо, что поинтересовался, все ли у меня в порядке.

– Вообще-то, я пришел тебя поздравить. Наконец ты навлекла на себя гнев родителей! Но я-то думал, ты хоть повеселилась вчера. – Он уставился на мое отражение. – Знаешь, на кого ты похожа? На ту смешную собачку наших соседей,

когда она съела пчелу и у нее раздулась морда. Ты хоть не пострадала? Что с тобой случилось?

Я отпихнула его от раковины.

– Пчелу съела. Хватит вонять на меня своим дыханием, а то мне голову мыть придется.

Хэнк выдохнул мне прямо в макушку, загоготал и ушел. Меньше недели назад он вернулся домой из колледжа, закончив первый курс, а я уже была сыта по горло. Он съедал всю еду из холодильника, а если его просили что-то сделать – убрать ботинки, помыть тарелку, – ныл, что у него каникулы. Мне бы никто никогда не позволил так себя вести.

– Айви, ты спишь? – позвал папа с первого этажа. – Спустись на секунду.

Он стоял, опершись о столешницу, в своих ужасных велосипедных шортах из спандекса, и ел мюсли. Когда я вошла, он улыбнулся и тут же поморщился.

– Ох, милая, твоя губа! Вот мелкий ублюдок.

Я пожала плечами. Нейт и впрямь был мелким ублюдком, тут не поспоришь. Например, он не вносил неправильных ударений в словах, и стоило ошибиться, накидывался на тебя, как кот на таракана. В середине разговора мог вытянуть палец вверх, достать блокнот и начать записывать, а я стояла рядом, как дурочка. «Прости, – с притворно виноватой улыбкой говорил он. – Возникла идея для рассказа.» Однажды я заглянула в его блокнот и прочла одну из таких «идей». «Волшебный остров, где умирают все мужчины,

кроме одного. Становится объектом сексуального поклонения/богом?».

Но в нашей школе в него были влюблены все девчонки. И когда он пригласил меня пойти с ним куда-нибудь, я, естественно, согласилась. У него заранее сложился мой выдуманный образ – не так уж хорошо быть тихоней, люди думают, что все о тебе знают. Но мне это нравилось, хотя я не признавалась в этом даже Амине. Мне нравился этот выдуманный образ. Нейт думал, что я на самом деле крутая, а я лишь притворялась; думал, я молчаливая, а я на самом деле просто боялась ляпнуть что-нибудь не то.

Папа, должно быть, принял мою гримасу за похмелье, потому что вручил мне свою чашку кофе.

– Давай обсудим то, что случилось вчера.

– Я была неправа, – с ходу выпалила я. С папой было легко, он просто хотел, чтобы мы брали на себя ответственность за свои действия. Хэнк готов был оправдываться до посинения, но я научилась папе подыгрывать. – Но я не знала, что Нейт выпил. Мы договорились, что он будет трезвым водителем.

Папа кивнул.

– Для начала неплохо, но ты все равно должна держать ухо востро. Ты сама должна за всем следить, никто за тебя это не сделает. И то, что случилось вчера... – он покачал головой. – Милая, на тебя это совсем не похоже.

Я могла бы согласиться и уйти. Но мне почему-то стало

обидно. Может, потому что я только что думала о Нейте и его выдуманном представлении обо мне. Неверном представлении.

– Не похоже на меня? – спросила я. – А что, по-твоему, на меня похоже?

– Я просто хочу сказать, что нам повезло. Девочка нам досталась умная. Переживать за тебя не стоит. В отличие от твоего братца. – Он наклонил голову и скорчил смешную гримасу, видимо, подразумевая, что, когда мальчики попадают в беду, это весело. То ли дело девочки.

– Не перехвалил ее, Роб. Она еще доведет тебя до инфаркта. Раз двадцать.

У входа в подвал стояла мама. Мы с папой вздрогнули – не слышали, как она вошла. Ее волосы были распущены, а белок левого глаза покрыт тонкими красными сосудиками, словно кто-то прошил его красной нитью.

– Дана, – отец шагнул ей навстречу, – что ты делала в подвале?

Она проигнорировала его вопрос.

– Айви, как губа?

Обезболивающее пока не подействовало. Губа сильно болела.

– Нормально, – соврала я.

Мать подошла ближе и осмотрела мой ушиб. Она стояла слишком близко. От нее странно пахло. Резко и пряно, какой-то травой. Но в сад она пока не выходила – в такую-то

рань.

Она сверлила меня взглядом.

– Сегодня никуда не пойдешь.

– Что? Почему?

– Ты наказана, – она испытующе взглянула на меня и перевела взгляд на отца. В вопросах воспитания она всегда ему уступала, но вела себя при этом насмешливо, иронично, будто мы – детишки из песочницы, которых нельзя принимать всерьез.

– Я наказана? – Я повернулась к папе.

Он неуверенно взглянул на меня.

– Если мама сказала...

– Но ведь каникулы! Я ничего не сделала!

– Ну... ты села в машину с пьяным водителем.

– Я не знала, что он пьян!

– В следующий раз будешь внимательнее, – сказала мама и выпятила губы. – Надеюсь, ты бросила этого тупицу.

Я покраснела, испытывая и досаду, и самую малость торжества.

– Ага. Бросила.

– Вот и молодец, – пробормотала она и направилась к выходу.

– Эй, – папа ласково положил ей руку на плечо и развернул к себе лицом. – У тебя что, мигрень начинается?

В его голосе звучало обвинение. И он был прав; теперь и я заметила. Мигрень у мамы не было уже давно. И я уже

забыла, как обвисал ее рот и дергался глаз, когда у нее болела голова.

– Все у меня в порядке, – ответила она. – Правда. Я уже позвонила Фи.

Фи была маминой лучшей подругой. Они были близки, как сестры. И когда у мамы начиналась мигрень – а это бывало не так уж часто, – тетя Фи приносила настой из корешков с уксусом, который они с мамой пили вместо лекарств.

– Я не то хотел... – Папа осекся и отошел назад. – А знаешь, неважно. Поступай как хочешь.

Он чмокнул меня в висок.

– Попозже поговорим. Я еду кататься.

Когда за ним закрылась дверь, я взглянула на маму.

– Папа на тебя злится?

– Не переживай, – коротко ответила она. – Я пошла наверх.

– Мам. Подожди.

Я жаждала ее внимания. Мне было мало того, что она вчера меня дожидалась, потом запретила выходить, то есть показала, что ей не плевать на меня и не плевать на то, с кем я встречаюсь. Мне хотелось, чтобы она задержалась, поговорила со мной еще. Вот только о чем?

– Вчера, когда я пришла, ты сказала, что тебе приснился плохой сон.

Она чуть опустила подбородок. Это был даже не кивок.

– Сон был обо мне? – выдохнула я.

– Айви, – ее голос был мягким. Непривычно мягким. – Зря я тебе... это был просто сон.

Но я вспомнила, что вчера она совсем не выглядела сонной, а была взбудоражена и напугана, причем еще до того, как увидела мою разбитую губу.

– А что тебе приснилось?

Она ущипнула себя за переносицу и зажмурилась.

– Темная вода... Бегущая темная вода. И...

– И что? – мой голос прозвучал как издалика.

Ее глаза резко распахнулись.

– Ничего. – Она попыталась улыбнуться. – Фи сказала бы, что вода снится к переменам. Но у нее все сны к переменам.

Я не улыбнулась в ответ. Перед глазами возникла девушка из леса, она стояла на коленях в ручье с черной водой.

– Мам, – робко начала я, – я...

Она нажала пальцем на глазницу.

– Не сейчас. Правда. Мне нужно прилечь.

И я позволила ей уйти, а сама, как всегда, стала думать, что сказала не так и что надо было сказать, чтобы она осталась.

Глава третья

Пригород

Сейчас

Еще одиннадцать не было, а солнце уже грело беспощадно. Машины и почтовые ящики слепили бликами. Я сидела на крыльце и попеременно глотала кофе и вязкий июньский воздух, горячий, как суп. Машина Билли Пэкстона стояла у дома. Я видела ее в окно. Я решила еще раз поблагодарить его, если он решит выйти из дома. На этот раз как полагается.

Телефон в заднем кармане завибрировал. Амина прислала сообщение.

«Срочно зайди к Нейту в профиль!»

– О нет, – прошептала я. Но тут пришло второе сообщение.

«Это не про тебя, не волнуйся. Напиши, как помотришь».

Нейт сделал пост меньше десяти минут назад. На фото красовалась его смазливая физиономия – меня так и подмывало ему вlepить. Рот открыт, глаза полуприкрыты. За спиной вывеска кафе-мороженого. С черно-белым фильтром фотография напоминала кадр из фильма.

Его губа распухла и была запачкана темной кровью. Глаз заплыл. Подпись к фотографии гласила: «Видели бы вы дру-

того парня». Младший брат Нейта Люк прокомментировал: «Говорят, другим парнем был припаркованный почтовый фургон».

Я смотрела на фотографию, пока у меня не заболела челюсть, и лишь тогда разжала стиснутые зубы.

«Ну что, видела?»

«Да», – ответила я. «Видела».

«Мгновенная карма», – написала Амина. Нейт ей никогда не нравился. «Как можно врезаться в припаркованный почтовый фургон?»

Я не ответила. Телефон снова завибрировал.

«Я злая, да? Прости! Клянусь, если бы он умер, я бы не радовалась! И это не я припарковала почтовый фургон. Честное слово».

«Ха-ха-ха», – ответила я и положила телефон экраном вниз на бетон.

Я провела пальцем по губе. Страх червячком закрался в живот. Мне стало не по себе оттого, как быстро сработала карма.

Раздался звук, словно кто-то встряхнул стакан с игральными костями. Этот звук всегда предвещал появление тетиного фургона. Я улыбнулась. Колымага была старше меня, и ездить на ней умела лишь тетя Фи. Чтобы завести фургон, требовалось знать не меньше пяти особых приемов, и одним из них была молитва.

– Привет, Айви, девочка моя, – поздоровалась Фи, свер-

нув на дорожку, ведущую к нашему дому. Остановилась и вылезла из машины с набитой доверху сумкой через плечо. — Дай посмотрю твою губу.

Несмотря на тридцать три в тени, Фи была при параде: темная помада, металлические украшения и прямые тяжелые черные волосы, разделенные пробором посередине. Она наклонилась, взяла меня за подбородок, прищурилась. От нее пахло уксусом, черным чаем и амброй, которой она смазывала запястья.

— Ты глянь. Кому-то жить надоело.

— Не надоело, — я вырвалась из ее рук и отвернулась.

— Я не про тебя, а про твоего парня. — Она замолчала. — Бывшего, надеюсь?

Я кивнула.

— Вот и славно. Мы с твоей мамой поспорили, кто первая отправит его на небеса.

— Вам полегчает, если я скажу, что он только что врезался в припаркованный почтовый фургон?

Ее глаза метнулись к дому.

— Неужели. Надеюсь, никто не умер? И не покалечился?

— Все у него в порядке. Вот только лицо разукрашено. Прямо как у меня.

Она рассеянно улыбнулась, но глаза оставались холодными.

— Карма, она такая.

Я кивнула на сумку.

– Принесла маме вонючий настой?

Она достала из кармана жестянку без этикетки.

– И бальзам для твоей губы. Намазывай тонким слоем.

– Спасибо, тетя, – я обняла ее. Из чего бы ни состоял этот бальзам, я знала, он подействует. Тетя Фи придумывала и готовила все травяные настои и бальзамы в «Лавке малых дел» – магазинчике в центре Вудбайна, принадлежавшем им с мамой и популярном среди богемной публики. О тетиних средствах ходили легенды, и от клиентов отбоя не было.

Она зашла в дом, а я последовала за ней, на ходу пробуя бальзам. Тот пах гнилым бревном, а на вкус был как грязные носки дьявола. Я вытерла губы и поставила баночку в аптечку в ванной. Пусть Хэнк решит, что это бальзам для губ.

Я поднялась наверх; дверь родительской спальни была открыта, и до меня долетали обрывки разговора. Мама смеялась непринужденным гортанным смехом, от которого у меня все сжалось внутри. Так она смеялась только с тетей Фи.

Иногда мне казалось, что, если бы я так сильно не любила тетю Фи, я бы ревновала к ней маму. Порой я задумываюсь, не чувствует ли папа то же самое.

Я ждала, когда тетя зайдет ко мне по пути к выходу, и притворялась, что читаю журнал.

– Эй, – окликнула я ее и опустила журнал. – Мама не сказала, надолго я наказана?

Тетя склонила набок голову.

– Читаешь «Экономист»?

– Да, – ответила я: мол, что такого.

– Не знаю, надолго ли, но наказали тебя за дело.

– Но ведь каникулы!

– Я это уже слышала, – машинально ответила она; когда я была маленькой, это была ее любимая присказка. Потом более ласково добавила: – Давай сделаем так. Если накажут дольше, чем на неделю, я уговорю твоих родителей отпустить тебя ко мне в город на весь день.

– На неделю?

– Вот будет у тебя дочь и придет она однажды в четыре утра с разбитой губой, тогда поговорим.

Я перевернула страницу журнала.

– О чем еще говорили?

– В основном о тебе. И о твоём брате.

– Тогда почему она смеялась? – пробормотала я.

Тетя Фи поджала губы. Она за нас переживала, но ее верность маме мешала ей это признать.

– Почему бы тебе самой к ней не зайти? – сказала она. – Просто сходи к ней. Помнишь, вы играли в игру – ту, что сами придумали? В слова? Ей уже лучше, можешь зайти к ней и поиграть.

– В игру? – нахмурилась я. – В какую игру?

Она неуверенно постучала кончиком указательного пальца о большой.

– Ох, я перепутала. Спутала тебя с кем-то еще.

– С кем?

– Пользуйся бальзамом, Айви. И не забудь – тонким словом. И ешь больше железа, у тебя дефицит. А еще держись подальше от парней, которые плохо с тобой обращаются.

Она поцеловала меня в макушку и вышла на жару.

Тогда я вспомнила мамин прошлый приступ мигрени. Видимо, запах уксуса от тетиной одежды наваял. Это было два года назад, может, чуть раньше. Я могла даже точно вспомнить день: накануне в школе было шоу талантов. Тетя Фи принесла вонючий чай, и мы обсуждали случившееся с Хэтти Картер.

Хэтти Картер. Имя вспыхнуло в памяти, как закоротивший электропровод. Давно я не вспоминала Хэтти.

Виски пронзила тупая боль. Мысль ускользнула, умчалась слишком быстро и растворилась в серебряном тумане.

Я потеряла виски и пошла в свою комнату, где не пахло уксусом.

Глава четвертая

Пригород

Сейчас

В тот день я маму больше не видела. Наверно, ей стало лучше, потому что утром, когда я проснулась, она уже ушла. Первый понедельник лета, а я сидела дома без машины, наказанная, совсем одна.

В десять утра я стояла в ванной в старом бикини и втирала в волосы обесцвечивающий состав. Он давно у меня лежал, но мне все не хватало смелости им воспользоваться.

Покрасить волосы после первого расставания с парнем — так все делали. К тому же, для Нейта мои волосы были каким-то нездоровым фетишем. «Она девушка с волосами, — однажды огрызнулась на него Амина, — а не волосы, к которым прилагается девушка».

Но если честно, я давно хотела обесцветить волосы. Надоело слушать, как люди в сотый раз повторяют, как я похожа на мать.

Я сидела на бортике ванны в шапочке для душа; кожа головы горела, глаза саднило от едких паров. Смыв краску, я долго смотрела на себя в зеркало.

Даже мокрые волосы были совсем светлые, платиновые, как у актрис из старого кино. На фоне волос брови казались

двумя темными полосками, а заживающие губы – ртом убийцы из видеоигры. Нос у меня был прямой, мамин, и челюсть мамина, воинственная, но с новыми волосами я словно стала наконец собой.

В ванной висело трехстворчатое зеркало. Разглядывая свое изменившееся отражение, я видела себя с трех углов. Я наклонилась ближе, коснулась прохладного зеркала кончиком носа; зеркало позеленело, мои черты расплылись.

Отражение в левой створке вдруг шевельнулось.

Я резко повернула голову и увидела в зеркале незнакомое лицо. Сердце ухнуло; потом я рассмеялась. Нервным, высоким смехом.

Я-то думала, что уже забыла про девушку, которую мы с Нейтом видели в воде, о ее обнаженной фигуре и странном зловещем взгляде. Но, видимо, память о ней теплилась где-то на задворках сознания. И на миг я готова была поклясться, что видела в зеркале ее лицо, ее светлые волосы.

Остаток дня мне было не по себе, а может, я просто одурела со скуки. Я сказала Амине, что наказана, и около полудня та прислала селфи с пластиковой ложечкой из кафе-мороженого. На ложечке была нарисована рожица. «Познакомься со своей заменой: Айви Чайной Ложечкой!». Весь день Амина и наши друзья Ричард и Эмили присылали мне селфи с Айви Чайной Ложечкой из разных мест: кафе, скейт-парка, машины Ричарда. В кафе «У Денни» они поставили ложечку около кофейника: им, видите ли, казалось смешным, что ме-

ня уволили всего через месяц после того, как я устроилась к Денни официанткой. А уволили за то, что я таскала лишние обеды для сотрудников. На последнем фото пожеванная Айви Чайная Ложечка торчала из пасти Клавдия, сенбернара Эмили. «Покойся с миром, Айви Чайная Ложечка», – гласила надпись под фото.

«Так ей и надо», – ответила я и вышла на улицу проверить почтовый ящик. Может, хоть новый журнал прислали, вдруг повезет.

На солнце сухие волосы наэлектризовались, жадно впитывая влагу из воздуха и источая едкий запах аммиака. Ступая по бетону, я читала статью на телефоне и чуть не наступила на кролика.

Он лежал посреди дорожки в маслянистой луже крови. Тщедушное тельце, распростертые мускулистые лапы. А в нескольких сантиметрах от тела – голова.

Я отдернулась, зажмурилась, но кролик так и стоял перед глазами. Остроконечные мультяшные ушки, жестокая рана.

Место разрыва было слишком чистым; собака бы так не смогла. Чьих же это рук дело – неужели жутких соседских детишек? Я вспомнила Веру, помешанную на смерти восьмилетку, с которой я однажды сидела за деньги и поклялась не делать этого больше никогда. Питера, мальчика с ангельским личиком, который однажды попытался продать обручальное кольцо матери, стучась в двери и предлагая его соседям. Питер был как раз из тех, кто поджигает муравьев.

Нейт тоже на такое способен, вдруг подумала я и прижала ладонь к животу, пытаясь унять неприятное чувство. Я вспомнила, как резко он дернул меня за руку, как изменилось его лицо, когда я над ним засмеялась. В эти моменты он казался вполне способным на месть. Но мог ли он совершить такое?

Ну нет, решила я. Во-первых, он веган. В основном. То есть иногда, он конечно, ел бургеры. Но всем говорил, что веган.

И все же про него ходили слухи – мол, расставаясь с девушками, он оставлял после себя чуть ли не выжженную землю. Раньше я этому даже радовалась и гордилась, что он выбрал меня, но теперь от этих рассказов становилось не по себе. Одна его бывшая после разрыва с ним побрилась наголо. Другая каждый день в течение нескольких недель носила одну и ту же черную кофту, натянув рукава до кончиков пальцев. Поговаривали, что она выбила его имя на запястье кончиком булавки, но мало ли что люди напридумывают.

Я сфотографировала кролика. На экране тот выглядел совсем не так зловеще; двухмерные и плоские кровь и ужас совсем не то что трехмерные. Что бы сделала Амина, подумала я, и отправила фото кролика Нейту.

Что-то об этом знаешь?

Я вернулась в дом и раздумывала, не позвонить ли папе насчет кролика, но тут Нейт прислал сразу много сообщений.

Это что за хрень??!

Зачем ты шлешь мне это долбаное фото?

ТЫ ВООБЩЕ НОРМАЛЬНАЯ?

Иди к черту Айви

Кровь забила в висках, будто он стоял напротив и орал на меня. Я обдумывала ответ и тут увидела в окно мамину машину. Она свернула на нашу дорожку и едва не задела кролика.

На маме было черное платье-мешок, волосы убраны в высокий узел. На солнце они казались еще более рыжими, чем на самом деле. Она спрятала глаза за большими солнцезащитными очками в белой оправе, и я не видела выражения ее лица. Но когда она заметила кролика, я сразу это поняла.

Она согнулась пополам. Сгорбилась, словно ее ударили под дых. Уперлась ладонями в колени. И так же быстро выпрямилась. Вытянула шею в сторону дома, как хищник, принохивающийся к запаху добычи.

А потом побежала. По дорожке к дому, в дом. Увидев меня у окна, выставила перед собой руки. Не удивленно всплеснула руками, нет. И не пытаюсь защититься. Она вытянула вперед ладони со скрюченными пальцами, и при виде этого жеста у меня внутри что-то надорвалось, словно лопнула струна. Я не понимала, что значит эта поза, но она была столь явно враждебной, что у меня по спине пробежал холодок.

Потом ее лицо обмякло, руки опустились.

– Айви! – воскликнула она. – Твои волосы!

Я машинально коснулась своих волос, посеченных белых кончиков с химическим запахом, завивавшихся у подбородка.

– Я решила... – Она запыхалась. – Я тебя не узнала.

– Прости, – сказала я.

Ее глаза метались, не задерживались ни на мне, ни на чем-то другом. Она прижимала сложенные два пальца к ямочке между ключиц.

– Ты одна?

– Да.

– Весь день никуда не выходила?

– М-м... да. Я же наказана, так?

Она подошла ближе. Ее глаза были прозрачно-голубыми, как у Хэнка, которому посчастливилось их унаследовать. Она коснулась своих волос.

– Ты покрасила рыжий.

Я пожала плечами. Что я должна была сделать, по ее мнению? Извиниться?

– Мне не нравится. – Ее голос резанул меня, как холодный острый нож. – Выглядишь дешевкой. С этими волосами и с этой губой тебе впору играть труп в детективном сериале.

Я закусила губу и поняла, что она видит мою обиду, которую я не сумела скрыть. На миг мне даже показалось, что она мне об этом скажет.

Но она лишь сказала:

– Я пошла наверх. Голова еще болит.

Что ж, глупо было рассчитывать на извинения.

* * *

Она спустилась только к ужину.

Сумерки проникли в кухню, отчего та казалась еще темнее. Мама возила вилкой по тарелке еду из доставки. Кожа на ее правой руке была гладкой, а на левой от костяшек до запястья тянулись шрамы. Эти шрамы были у нее всегда, но сегодня, казалось, выступали и пульсировали, как набухшие вены. Мне вдруг показалось странным, что никто никогда не рассказывал мне, откуда они взялись.

Папа в одиночку пытался расправиться с горой клеток и сказать что-то хорошее по поводу моего нового цвета волос. Хэнк весь ужин просидел, уткнувшись в телефон. По его ухмылке я поняла, что он переписывался с парнем, причем не со своим постоянным. Зря ему достались такие огромные голубые глаза и скулы, как у Кэза Бреккера. Такая красота у такого балбеса² – как лазерный пистолет в руках ребенка.

Вдруг мама вскрикнула.

Мы повернулись к ней все разом, даже Хэнк. Она зажала рот рукой и сплюнула что-то на ладонь. Рассмотрела и спрятала, осторожно согнув пальцы.

– Дана?

² Герой фэнтези-цикла Ли Бардуго «Шестерка воронов».

Она медленно повернула голову. Рука лежала на колене, другой она крепко сжимала стакан с водой.

– Что?

Он опустил вилку.

– Что там? Что ты достала изо рта?

Она спокойно смотрела на него.

– Кусочек панциря от креветки.

– Уверена? Я думал, ты зуб сломала.

Ее губы растянулись в притворной улыбке. Мы с братом посмотрели друг на друга, потом уткнулись каждый в свою тарелку.

– Роб, я похожа на человека, который лишился зуба и не заметил? Это был просто кусочек панциря.

– Как скажешь, – ответил папа. Больше за весь вечер никто ничего не говорил.

Разумеется, она лгала. Я тоже все видела. Она выплюнула что-то вроде твердого желтоватого камушка. Может, зуб был и не ее, но это был зуб, точно.

Возможно, кроличий.

* * *

В восемь я поднялась к себе. Лежала в кровати, посасывала кубики льда и листала графический роман, который Ричард дал мне почитать. Но перед глазами стояло мамино лицо. То, как она смотрела на меня, пока не поняла, что это

я. И этот странный жест – ладонь со скрюченными пальцами. Как нестройный аккорд, который я уже слышала. И кролик, мертвый, с глазами-стекляшками.

– Айви? – Мама постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла.

Я проглотила кубик льда и поморщилась: тот резанул меня по пищеводу, как лезвие конька.

– В чем дело?

– Зашла спросить, как ты себя чувствуешь. Фи сказала, что дала тебе бальзам.

Губа болеть перестала, и я совсем о ней забыла. А сейчас коснулась ее мизинцем и поняла, что припухлость почти прошла.

– Да. Он помог.

– Хорошо. А волосы... – Она побарабанила пальцами по дверному косяку. – Мне кажется, тебе идет. Как у актрисы из старого голливудского кино.

Я не знала, как реагировать на эту явную ложь. Она подняла с пола грязную футболку, сложила, положила на кровать. Она вела себя странно: обычно она не убирала в наших комнатах. Увидев беспорядок, не тянулась сразу наводить чистоту.

– Той ночью, – проговорила она как бы невзначай, разглаживая рубашку, – ты сказала, что Нейт резко свернул с дороги.

– Да.

Она посмотрела мне в глаза.

– А что там было, на дороге?

Я натянуто улыбнулась.

– Кролик.

Она пристально смотрела на меня и не отвечала.

Книга, которую я читала, лежала у меня на груди. Я отложила ее в сторону и потянулась к маме. Она нахмурилась, словно заподозрив подвох, но тоже потянулась ко мне.

Я схватила ее за руку. Дотронулась до выпуклого шрама и вопросительно посмотрела на нее.

Она отдернула руку.

– Прекрати.

– Мам, – тихо проговорила я.

Час назад она выплюнула зуб, невесть как оказавшийся у нее во рту. Это произошло на наших глазах, и она соврала нам в лицо; ей было все равно, поверим мы или нет. В эту игру мы играли постоянно.

Я резко вдохнула.

– За кого ты меня сегодня приняла?

Она вздрогнула. Лицо осталось бесстрастным, но плечи дернулись.

– Айви, ты покрасила волосы в белый, да еще эта губа. Естественно, я не поняла, кто передо мной.

Я внезапно осмелела и подняла руки, выставила ладони и скрючила пальцы, как она сегодня утром. И ощутила покалывание на самых кончиках.

– Что значит этот жест?

Она бросилась на меня. Встала на колени на кровати, схватила меня за руки и прижала их по бокам.

– Не делай так, – ровным голосом сказала она. – Не делай.

Ее правая рука, державшая мою левую, была гладкой, с маникюром, а левая покрыта шрамами, о которых она никогда не рассказывала. И это лишь одна из ее тайн, та, что на виду. Я вскрикнула. Горечь застряла в горле, как нерастворившаяся таблетка аспирина. Она выпустила меня и встала.

– Айви, – прошептала она. В ее глазах были слезы. Я смотрела на нее: ее губы шевелились, желая сказать все невысказанное, выражение лица менялось, как картинки на барабане игрового автомата. Потом она закрылась, ушла в себя, снова отгородилась от меня.

– Спокойной ночи, – сказала она и закрыла дверь.

Когда она ушла, я пыталась заплакать, но не смогла. Вместо этого стала смотреть в окно. Когда окно превратилось в мозаику черных квадратов, я села. В доме было тихо. Хэнк куда-то ушел, родители в соседней комнате спали или смотрели разные программы – каждый на своем айпаде. Наступила полночь, а сон не шел.

Я спустилась вниз и села у открытого холодильника, направляясь с остатками лапши. А когда встала и закрыла дверцу, что-то в окне привлекло мое внимание.

Там кто-то был. Кто-то сидел в траве у забора. Фигура на корточках рыла землю, потом выпрямилась, и я узнала маму.

Она вытерла руки о джинсы и направилась к дому.

Какой-то инстинкт погнал меня через кухню к лестнице в подвал. Через щель в двери я смотрела, как она крадется к раковине. Стоя ко мне спиной, она вымыла руки, налила себе стакан воды, выпила, налила еще один. Все еще стоя ко мне спиной, опустила голову, закрыла лицо руками и всхлипнула. Всего один раз, сдавленно, в ладони.

Я стояла на верхней ступеньке; из подвала тянуло холодом, коленки дрожали от страха. Мама выпрямилась резко, как пружина. Когда она выходила из кухни, ее лицо было полно решимости, глаза – свинцово-голубыми. Я ждала за дверью подвала, пока не убедилась, что она ушла.

Во дворе пахло подгнившей дичкой, влажным розмарином и терпкой землей – мама покупала землю мешками. Я взяла лопатку, лежавшую рядом со свернутым шлангом, и провела ею по грядке с мятой, где днем, на солнце, роились мухи величиной с фалангу большого пальца. Отыскав участок со свежевскопанной землей, я начала копать.

На глубине сантиметров десять лопатка наткнулась на металл. Вскоре я раскопала банку с завинчивающейся крышкой, зарытую вертикально; она была пустая, лишь на дне плескалась мутная жижа. Я поднесла ее к лунному свету. Земля, сухие травы и кровь, довольно много; я определила, что это кровь, по каплям, приставшим к стеклу. Еще там был осколок зеркала и маленький бумажный свиток.

Я разглядывала содержимое банки, держа ее на вытяну-

тых руках и слушая стук своего сердца. Затем поставила банку обратно, забросала землей и утрамбовала; грядка выглядела так же, как до моего прихода.

Из сада я пошла сразу в душ. Что бы сказала мама, если бы вышла из комнаты и увидела мои грязные колени, пальцы с землей под ногтями?

Я слишком часто дышала; перед глазами плясали мушки, голову словно накачали гелием. Но я не боялась: увидев содержимое раскопанной банки, я ничуть не испугалась. Кто-то другой, обнаружив такую вещь, ужаснулся бы или растерялся. Но я – нет. Моя находка вполне соответствовала другим мрачным подозрениям; скрюченным пальцам, выставленным перед собой, кроличьему зубу в ладони – а я не сомневалась, что это был кроличий зуб.

Я ощутила покой. Словно внутри меня разлилось озерцо черной воды, покрывшееся сверкающим льдом. Подо льдом таились вопросы, которые проще было не задавать, и тайны, которые я не хотела ворошить. Всю свою жизнь я не трогала эту стоячую воду, и она загустевала, оседая на дно. Но сейчас подо льдом что-то всколыхнулось. Зашевелилось, и лед треснул, надломился.

«Ты такая невозмутимая, – сказал однажды Нейт. – Тебя как будто ничего не волнует».

«Милая, это на тебя совсем не похоже», – сказал той ночью отец.

А мама? Когда ей не понравился мой вопрос, она опроки-

нула меня на кровать и прижала мои руки, словно я была ее куклой и мое тело мне даже не принадлежало. А я не сопротивлялась. Она так легко совладала со мной. Я не сказала ни слова.

Но теперь с меня довольно. Я стояла под теплыми струями с широко раскрытыми глазами. Мне так надоели тайны, что я не могла больше видеть перед собой темноту.

Глава пятая

Город

Тогда

Свою мать я никогда не знала. Она умерла, когда мне было два года, а отец был не из тех, кто чтит память об усопших. Когда я начинала расспрашивать, он молча указывал на кухонный ящик, где лежала стопка старых фотографий и стянутая резинкой прядь ее рыжих волос.

Мать может быть фотографией.

Моя лучшая подруга лишилась матери еще раньше. Фи родилась, а женщина, родившая ее, умерла. Смерть превратила ее в темноглазую мученицу, а квартиру Фи – в усыпальницу, где ее отец хранил оставшиеся от жены реликвии.

Мать может быть святой. Призраком. Светящимся силуэтом, оставшимся на месте, где когда-то был человек.

Мать может быть незнакомкой на скамейке в парке, кормящей ребенка с рук. Воздух между ними так нежен, что его можно мять, как тесто. Мать может быть женщиной в поезде, дергающей ребенка за руку, пока тот не заплачет. Такие матери наливают детям в поильники кока-колу. Мне всегда нравилось наблюдать за плохими матерями.

Мать может быть разделочным ножом и резцом скульптора. Может лепить и уничтожать. Я никогда не думала, что

стану матерью.

Есть вещи, которые девочка должна знать о женщине, которая ее растила. Была ли эта женщина смелой. Умела ли постоять за себя хотя бы на словах.

Представьте, что вы лежите ночью в кровати и повторяете все, что хотели бы сказать своей дочери. Дочери, которая спит в соседней комнате, но кажется такой далекой. Когда степень отчуждения так глубока, что можно сказать?

С чего начать?

* * *

Когда мне было пять лет, папа вечером потерял ключи от дома – где-то между баром и нашей квартирой. Он держал меня на руках, дыхание в морозном воздухе вылетало пивными облачками. Мы прошли километр на холодном ветру, дувшем с озера. Он расстегнул рабочую куртку, потому что ему было жарко, а я ооченела в ветровке с мультяшными героями. Папа вечно забывал, что дети растут, и покупал мне новую зимнюю куртку только в ноябре.

Когда мы дошли до двери подъезда и папа не смог ее открыть, его хорошее настроение как рукой сняло. Пока он вызывал управляющего, я вырвалась у него из рук и пошла. На полпути к таверне «Зеленый человечек» в черной траве нашла его ключи, упавшие в ямку.

В девять лет я запустила руку в сток в школьном туалете

и нащупала застежку, которую не видела; это была застежка браслета с брелоками, но я даже не подозревала, что он там. Мольберт, леденец, пуант – я не глядя перечислила все подвески, покрытые слизью из стока, и выбросила браслет в мусорную корзину.

Когда мне было двенадцать, я шла домой одна теплым летним вечером. Папы дома не было, ключи от квартиры висели на цепочке у меня под рубашкой. Я поднялась на третий этаж, прошла по коридору и остановилась, глядя на дверь нашей квартиры. За дверью было тихо; я ничего не услышала. Но стараясь не шуметь, вышла на улицу и побежала к Фи и дяде Нестору в соседний квартал. Поэтому через час не я, а отец зашел в квартиру и обнаружил в тених прячущегося мужчину с кухонным ножом и расстегнутой ширинкой. Отец ударил его по голове бутылкой в коричневом бумажном пакете и спугнул, а на ковре остались несмываемые пятна крови.

Нечто похожее папа рассказывал и о матери, он называл это ее «догадками». Я рассказывала об этом только Фи, своей лучшей подруге. Впрочем, больше меня никто и не спрашивал. Я просто *чувствую предметы*, объясняла я ей. Вещи, места, контуры предметов и как их обтекает воздух. Представь, что ты стоишь в центре комнаты, говорила я. Закрываешь глаза и чувствуешь дневник под матрасом, плотный, тяжелый; чувствуешь занятое им пространство. Фотографию парня на пробковой доске среди открыток и журнальных вы-

резок. Тайное место, где ты когда-то пролила лак для ногтей и на полу остался несмываемый след, поэтому ты просто подвинула кровать чуть вправо.

Вот как я воспринимаю мир. Точнее, маленький кусочек мира, в котором мы живем. Нам с Фи это не казалось странным. Это даже не казалось особенным. Наверно, потому, что у нее тоже был дар: она угадывала, что нужно людям. Не сердцу, а телу. Сколько себя помню, она все время подходила ко мне со стаканом воды, яблоком, пузырьком тайленола. Папе надоедала, заставляя его есть овощи.

Мы были лучшими подругами и росли как сестры. Наш мир ограничивался десятью кварталами и одной улицей, и за границы этого нефтяного пятна мы никогда не выходили. Два трехквартирных дома отделяли дом, где жили мы с папой, от того, где жила Фи со своим папой. Наши мамы тоже были лучшими подругами и умерли одна за другой с разницей в пару лет. Мы верили, что нечто подобное однажды случится и с нами.

Отцы любили нас, пытались любить, но этого было мало. Дядя Нестор был хорошим человеком, но при взгляде на дочь видел покойную жену. А мой отец напоминал кран в нашей ванной – из него тек или кипяток, или ледяная вода. Я чувствовала себя то его лучшим другом, то тяжелой ношей и никогда не могла угадать, кем стану на этот раз.

С одной стороны, мы рано повзрослели: уже в восемь лет сами ездили на электричке, а в десять работали неполный

день и помогали отцам. Я проводила в папином баре так много времени, что даже не помню, когда впервые попробовала спиртное.

Но в чем-то мы оставались детьми. Не умели одеваться по погоде, стеснялись чужих и не знали, как разговаривать с людьми – только друг с другом. Папа рано и без обиняков объяснил, почему нужно кричать, лягаться и бежать, если меня попытается схватить мужчина, и я рассказала об этом Фи. Так у нас появилось туманное представление о сексе. Иногда я думала, чему бы научили нас матери, будь они рядом.

Так мы дожили до пятнадцати лет. И жили бы дальше, если бы не встретили Марион.

Глава шестая

Пригород

Сейчас

Я проснулась в предрассветный час, услышав, как кашляет на подъездной дорожке фургон тети Фи. Внизу в коридоре раздались тихие мамины шаги, скрипнула входная дверь, мама вышла, и в доме воцарилась тишина. Так прошел час; потом слышались знакомые утренние звуки – папа собирался на работу. Душ, радио, кофемолка. Полоска плотного дневного света карабкалась вверх по ногам. Когда дверь гаража опустилась, я села в кровати.

Кровать Хэнка была пуста. Наверно, он вчера домой не возвращался. Но я все равно прошла по коридору на цыпочках и остановилась у двери в родительскую спальню. Попыталась вспомнить, когда в последний раз была внутри. Напрягла память, пытаюсь выудить хоть одно воспоминание, и голова пошла кругом.

Наконец вспомнила. Точнее, почувствовала, как лежу маленькая в кровати между мамой и папой. На потолке мокрое пятно; я очерчиваю его глазами, грея стопы под теплыми папиными ногами. Голова лежит на мамином плече. Мне было почти больно об этом вспоминать.

Может, я все это придумала? Я осторожно открыла дверь,

перешагнула порог, легла на кровать. На потолке темнело пятно.

Я опустила ноги на пол. Родительская спальня напоминала комнату в общежитии, где живут соседи, у которых нет ничего общего. Папина сторона казалась более человечной, здесь царил вечный беспорядок – сборники стихов с загнутыми углами, толстые, как кирпичи, романы в жанре фэнтези, наше с Хэнком фото в рамке: губы синие от леденцов. Мамина половина выглядела аскетичной: длинный и узкий застекленный книжный шкаф с мемуарами и биографиями, пустой прикроватный столик. У окна раскинул хищные щупальца огромный папоротник, выросший из черенка, который мама срезала в саду у тети Фи.

В ванной на полке у зеркала стояли фотографии: родители в день свадьбы – трудно поверить, что когда-то они были такими молодыми; наши с братом школьные снимки в тринадцать и одиннадцать лет. Замыкала ряд фотография мамы и тети Фи в старших классах. Я взяла ее.

Старая фотобумага деформировалась и с одной стороны прогнулась под стеклом. Вспышка бликовала на хищных тетиных бровях и маминых ногтях цвета бычьей крови; нашее у мамы и тети поблескивали подвески в виде половинок сердца. Ярко-алые губы, густо подведенные глаза – они дерзко смотрели в камеру, будто знали, что лучше них во всем мире нет.

На этой фотографии они были младше меня, но я поче-

му-то чувствовала себя ребенком, лишней в их тесном кругу. Я уже хотела вернуть фотографию на место, как что-то привлекло мое внимание. Протерев рубашкой пыльное стекло, я пригляделась.

Подвески. На дешевых цепочках висели старомодные разделенные сердца из мягкого гнущегося металла, такого же, из которого делают ключики для дневников. Но это были не половинки, как мне сначала показалось. Сердце было разделено на три части. Маме достался зазубренный край, а тете Фи – средняя часть с зазубринами с обеих сторон. Значит, у кого-то была третья часть.

Раздумывая над этим, я подошла к шкафу. Мамина одежда лежала аккуратными стопками; в вазочке для мелочи валялись скомканные чеки и выцветшие бумажки из печенья с предсказаниями. А изнутри на дверце шкафа висела лента из фотобудки: моя мама в детстве и разудалое лицо деда, который уже давно умер. Тонированные очки, густые волосы на груди, торчащие из-под рубашки; у мамы – прямая челка и нет передних зубов. По краю ленты змеилась надпись: «Пей до дна в баре “Хулиганы”».

Я продолжала искать, хоть и не знала, что именно. Дневник, где бы все объяснялось? Осколки зеркала, кровь? На верхней полке стояла коробка с документами, но там не было ничего интересного: свидетельства о рождении, налоговые декларации, свидетельство о браке. Я изучила подписи на последнем и попыталась представить родителей в этот день:

маме – двадцать, и она уже беременна Хэнком, отцу – двадцать четыре, рука об руку они стоят в офисе мэрии.

Я нашла несколько загадочных предметов. Они манили, но понять их смысл было невозможно. На дне уродливой сумки из облезлой искусственной кожи лежал бумажный пакет, полный перьев, в основном коричневых, серых и крапчатых, но попадались и яркие, неоновых цветов. В кармане старого комбинезона обнаружился тюбик помады; самой помады внутри не было, вместо нее зловеще бряцали иголки и булавки.

За обувной коробкой, в которой лежали сапожки на высоком каблуке, нашелся сборник стихотворений Мэри Оливер. Вместо закладки в него был вложен старый, истончившийся от времени чек. Я достала его. Четверть века назад мама купила тени «Ревлон» и пачку жевательной резинки в универсаме на Холстед-авеню и записала адрес на чеке синей ручкой. Может, адрес квартиры, а может, кафе. Тогда он что-то значил, а сейчас уже не значил ничего.

И все же она так бережно хранила этот чек между книжных страниц, как засушенный цветок. Я сфотографировала адрес и положила чек на место.

Я убирала все на свои места и вдруг замерла. Передо мной мягкой стеной висела одежда – вся черная с редким вкраплением голубого. Повинуясь неведомому инстинкту, я сунула руку между платьями, словно нырнув в глубину, раздвинула вешалки и увидела перед собой заднюю стенку шкафа.

В нее был встроен сейф величиной с разделочную доску.

Я застыла, удивившись не столько самому сейфу, а тому, что мое предчувствие оправдалось. Потом выбежала из спальни и бросилась в папин домашний кабинет в другом конце коридора. Приподняла его тяжелую клавиатуру, рассыпав повсюду застрявшие между клавишами хлебные крошки, и быстро сфотографировала листочки с клеевым краем, на которых папа записывал все пароли за много-много лет.

Вернувшись к сейфу, просмотрела список: дни рождения членов семьи, номера с футболок любимых игроков, вроде бы случайные буквы, которые на самом деле наверняка были анаграммами. Я исключила пароли, которые явно мне не подходили, и вариантов осталось не так уж много.

Сейф открылся с третьей попытки. С пересохшим от волнения ртом, прислушиваясь к каждому шороху, я потянула дверцу.

Внутри оказался предмет величиной с небольшую книгу, сделанный целиком из золота.

Я слышала, что некоторые хранят деньги в золотых слитках, но этот предмет был намного больше стандартного слитка. И намного красивее. Он напоминал музейный экспонат или вещицу из антикварного магазина, хранящуюся под стеклом.

Я взвесила предмет на ладони; он казался полым, но стыков я не заметила. Поверхность его была чуть теплее моей

кожи. Я аккуратно поворачивала его, встряхнула, внимательно рассмотрела полированный верх, бока, отражавшие свет, словно призмы. Предмет казался драгоценным. Но для чего он?

Я прижалась к нему ухом. Тишина. Ну разумеется; чего я ожидала? Я снова перевернула предмет и, повинувшись импульсу, дотронулась до него языком.

Ладони завибрировали, как мяч от удара битой. Меня словно током ударило; металл казался *живым*.

В ушах раздался мамин голос. Мне не почудилось, нет; я действительно услышала ее низкий голос, произносивший странный набор звуков, смысл которых я уловить не могла. Глаза закрылись, и в голове всплыло воспоминание столь пугающе отчетливое, будто я телепортировалась в прошлое.

В нос ударил резкий холодный запах ночной озерной глади. Я увидела звезды над озером, они смотрелись в него, как в карманное зеркальце. Видение было ярким, как только что нарисованная картина. Я могла бы протянуть руку, дотронуться до нее и смазать краску. Хотя я не могла повернуться и посмотреть на мать, я чувствовала, что та стоит рядом; в прохладном воздухе от нее исходило тепло.

Открыв глаза, я обнаружила, что сижу в шкафу. Передо мной стояла родительская плетеная корзина, затянутая паутиной; я смотрела на нее, но не видела. Золотой артефакт снова стал неподвижным. Контакт моей слюны с металлом пробудил его, наэлектризовал, но теперь все прошло.

Просто показалось, подумала я сквозь туман в голове. Я все это придумала; фантазии и паранойя соединились, и получилось... то, что со мной только что произошло.

И все же я не верила. То, что во мне всколыхнулось, было настоящим. Воспоминание, запрятанное так глубоко, что я не воспринимала его как свое.

Я снова лизнула блестящую сторону таинственного предмета. Ничего. Я думала оставить его у себя, но не хотела брать на себя ответственность. Вдруг это ценная вещь и я ее потеряю? Поэтому я вернула слиток в сейф. И тут заметила в глубине кое-что, чего не видела раньше.

Маленькую шкатулку из ароматной древесины. На крышке был нарисован герб, на гербе надпись – «Флор Фина». Шкатулка привычно легла в руки, потому что принадлежала мне. Это была коробка от сигар; в детстве я хранила в ней свои сокровища. Много лет назад она потерялась.

Но оказалось, я ее не теряла. Ее у меня забрали. И теперь она лежала в сейфе в задней стенке шкафа в комнате, куда я никогда не заходила. Украденная часть меня.

Глава седьмая

Город

Тогда

Не помню, что я делала, когда впервые увидела Марион. Скорее всего, вынимала рыбные палочки из фритюрницы. Или считала четвертаки, а может, обсчитывала старушку в целлофановом дождевом колпаке, потому что та заплатила за обед пятицентовиками. У наших отцов тогда была забега-ловка в двух кварталах от озера; мы подавали жареную рыбу.

Я ждала новую сменщицу. Папа совсем угробил спину и не мог больше работать по четырнадцать часов в день. Я же воротила нос от тяжелой работы. Папа все еще считал меня своей принцессой, поэтому мне не терпелось поскорее нанять кого-нибудь на свое место. Очищать фритюрницы от старого масла мог бы кто-то другой. Но когда она вошла, всю мою заносчивость как рукой сняло.

Марион была старше меня – ей было семнадцать. Уши сплошь истыканы металлическими сережками. Шикарная зеленая куртка была тонковата для такой погоды. Но я таращи-лась на нее не поэтому. Я словно видела ее прежде, хотя мы раньше не встречались. Она притягивала меня, как поте-рянные ключи, как запропастившийся куда-то старый брас-лет. Я чувствовала, как она стоит на истертом кафеле. Она

казалась плотнее и реальнее всего, что находилось в зале.

Она смотрела на меня. От покойной мамы мне достались рыжие волосы, хотя у мамы они завивались, а мои были тонкими, как паутинка, и их никогда не получалось зачесать гладко, без петухов. Стояла зима, но у фритюрницы было жарко. На мне была футболка, ожоги от масляных брызг веснушками рассыпались по рукам.

Мы заговорили одновременно.

– Мы раньше не... – произнесла она.

– Кажется, мы уже... – сказала я.

Мы замолчали. Смех разрушил бы напряженную тишину, но мы не засмеялись.

– Марион, – представилась она.

– Дана, – ответила я.

– Дана. – Она повторила мое имя, как название неведомой страны, и все это время продолжала разглядывать меня своими светлыми глазами. – Мы с тобой подружимся.

Рыжие легко краснеют. Нам не нужно даже испытывать сильную злость или смущение – достаточно чуть сбить нас с толку. Я вздернула подбородок и подумала об айсбергах, представила, как прыгаю в холодный белый океан.

– Думаешь? – сказала я немного надменно.

– Знаю. – Ее голос был тихим, но волевым, и таким серьезным, что я готова была сквозь землю провалиться. В тот момент я поняла, что она такая же необщительная одиночка, как я.

Я показала, куда повесить куртку и черную сумку. Что же в ней меня привлекло? Она была крепко сложена, щеки румяные, из-под бейсболки торчал хвостик. Не красавица, но что-то в ее лице притягивало взгляд. Она достала из кармана диск и протянула мне. На обложке женщина на черно-белой фотографии откинула голову; мокрые волосы взметнулись полукруглым нимбом.

– Твой отец сказал, что можно ставить свою музыку, – сказала она. – Где у вас плеер?

* * *

Нам с Фи нравилась та же музыка, что нашим отцам. «Крим», «Муди Блюз», «Лед Зеппелин». Даже полька, на которой вырос мой отец – ее ставили в польском клубе, где познакомились его родители. Мы с Фи отплясывали босиком под старую пластинку – умба-умба-умба-па! – а отцы наливались ядреной украинской горилкой и подбадривали нас криками.

Марион любила совсем другую музыку. Рваный панк, короткие, по полторы минуты, звуковые атаки на наши бедные уши. Тяжелый гитарный рок – как «Лед Зеппелин», но со звучным женским вокалом; глэм-рок, сверкающий и острый, как осколки дискотечного шара.

В первый день мы работали бок о бок и почти не разговаривали; Марион приспособливалась к монотонному ритму

работы в забегаловке, а я с наслаждением слушала ее странную музыку. После закрытия Фи ждала меня на тротуаре: играла в тетрис, опустив ноги в водосток. Увидев Марион, она насторожилась. Потом ее лицо смягчилось – она что-то почувствовала.

– Ты голодная, – сказала она.

Марион потерела молнию на куртке. Иногда под пристальным взглядом Фи окружающим становилось не по себе.

– Я уже поела. Там.

– Это не считается, – отмахнулась Фи. – Тебе нужна настоящая еда.

Мы пошли к Фи – у нее в холодильнике всегда лежал лоток с вкусной домашней едой. Сегодня там было мясное рагу, приправленное мятой, которую папа Фи выращивал за домом.

– Вообще-то я мясо не люблю, – призналась Марион, набросившись на рагу, как изголодавшийся ротвейлер. Наевшись, она вздохнула, и улыбка совершенно преобразила ее лицо. – Надо же, твой папа умеет готовить! Мой только водку с тоником умеет смешивать. Зато мама может выложить на тарелку ужин из микроволновки.

Я представила ее родителей. Мама в спортивном костюме занимается тай-бо и считает баллы по программе «Анонимные худеющие». А отец дважды чокается с барной стойкой на удачу, как мой, и опрокидывает рюмку в кружку «Гиннеса». Позже, узнав, как сильно я ошиблась в своих предполо-

жениях, я почувствовала себя дурой.

Но тогда мы наелись, согрелись, сидели и улыбались друг другу. Марион протянула Фи свой диск, и мы легли на неровный пол в спальне Фи и стали слушать. Наши головы соприкасались, музыка гремела, а половицы дрожали.

Так все и началось. С еды и музыки. Остальное было уже потом: магия и все, что ее питало. Мы злились на мир еще до появления Марион, просто не догадывались об этом. Злились на наших отцов, на умерших матерей, на себя пятнадцатилетних, на то, что наша жизнь ограничивалась пятак-ком размером с булавочную головку и мы не знали, как это изменить. Но с приходом Марион у нашей злости появилась форма.

Все началось с музыки. Но закончилось совсем другим.

Глава восьмая

Пригород

Сейчас

Я сидела на кровати и перебирала содержимое сигарной коробки.

Некоторые вещи я вспомнила сразу. Например, зеленый камушек из старой бумажной короны, билетик с оторванным краем с мюзикла «Гамильтон», куда мы ходили с тетей. Медиатор, окрашенный под мрамор, на тонкой ленточке – папин подарок; синюю перьевую ручку.

Но я не помнила, откуда у меня плоский черный почти круглый камушек с маленькой дырочкой посередине. Или засушенный под кусочком скотча четырехлистный клевер. Я присмотрелась: нет, у этого клевера было *пять* листочков. Я, наверное, положила пятый рядом и приклеила скотчем. Еще там был деревянный спил толщиной и шириной с долларовую монетку, огрызок белой свечи и локон рыжих волос, стянутый резинкой. Моих? Или маминых? Я провела рукой по своим белым волосам.

Я собиралась положить все обратно, как вдруг увидела на самом дне листок бумаги, сложенный по размеру коробочки. Даже на ощупь бумага казалась знакомой. Еще не развернув листок, я поняла, что это страница из одного из моих старых

скетчбуков.

Это был карандашный рисунок, довольно хороший. Босой мальчик в джинсах держал в руках большой букет белых гардений и улыбался с закрытыми глазами. Веснушки я нарисовала как россыпь звездочек.

Я провела пальцем по бумаге. Пышные бутоны, похожие на балетные пачки танцовщиц Дега, мечтательная улыбка мальчика... Это нарисовала я. Но зачем мне рисовать и тем более хранить портрет Билли Пэкстона?

Я взглянула на дату на рисунке. Лето между шестым и седьмым классом, за пару месяцев до «неприятного случая», когда мы с Билли заговорили в первый и последний раз. На рисунке в скетчбуке у него было совсем другое выражение лица, спокойное и отстраненное, не то, что с кристальной четкостью отпечаталось у меня в памяти – глаза горят, лицо пылает ненавистью.

Наверно, я просто увидела его напротив нашего дома и решила нарисовать. Лицо запомнилось, а потом я дополнила его букетом белых цветов.

Я изучила рисунок и еще раз осмотрела каждый предмет из шкатулки, пытаюсь понять, почему ее прятали. Но ответов не нашла. Только еще больше тайн.

* * *

Зачем? Я умылась, оделась, съела печенье из коробки с

надписью «Это печенье принадлежит Хэнку» и все это время задавала себе вопрос – зачем прятать коробку с детскими сокровищами? Я то вскакивала с кровати и принималась мерить шагами комнату, то снова садилась. Наконец мне надоело мысленно кричать на мать.

Я поняла, что должна обо всем расспросить ее лицом к лицу, желательно сегодня же. Я все еще чувствовала ее тонкие пальцы на своих запястьях, все еще помнила, как она прижала меня к кровати. Ощущала, как золотой предмет странно наэлектризовался, когда я его лизнула. В голове горело пламя, нельзя было дать ему погаснуть.

Я вышла на жару, ощущая себя хрупкой, как ломкая карамель. Я ехала мимо парковок и пыльных зарослей дикой моркови. Омываемая какофонией звуков из радиоприемников проезжающих мимо автомобилей, осторожно проезжала по краю сточных прудов, надеясь, что никто не окатит меня остатками газировки из окна машины.

Доехав до центра Вудбайна, я покрылась липкой пленкой пота. Впереди тянулись шесть кварталов магазинов, ресторанов и кофеен. Тут был двухзальный кинотеатр и смешное заведение «Голубая лагуна», где люди притворялись искушенными городскими жителями, попивая коктейли через светящиеся в темноте трубочки.

Магазинчик мамы и тети стоял между двумя дорогими кондитерскими, на втором этаже находилась танцевальная студия, и потолок содрогался от прыжков. Из открытых окон

студии доносилась грохочущая симфоническая музыка.

В «Лавке малых дел» свет не горел. Я дернула за ручку, дверь оказалась заперта.

Солнце светило так ярко, что даже приставив ладони ко лбу, я не смогла разглядеть, что внутри. Я сверилась с часами работы, хотя и так их знала. Магазин открывался в десять.

Между лавкой и соседней кондитерской «Ванильное небо» был небольшой мощеный переулок с фонарями на чугунных столбах. Я нырнула в переулок и в кои-то веки порадовалась, что под Рождество меня заставили работать в лавке упаковщицей подарков – у меня был свой ключ от черного хода.

Я вошла в подсобку, где стояла прохлада, как в погребе. Там никого не было, но свет горел.

– Мам? Ты здесь?

Никто не ответил. В подсобке было тесно, но царил порядок. На полках аккуратными стопками был сложен товар, в ящике на колесиках хранились запечатанные образцы – маленькие плитки шоколада, сваренного при урожайной луне, минералы для массажа лица, журналы, в которых женщины из Скандинавии в комбинезонах из переработанного материала рассказывали, почему младенцам полезен непастеризованный мед. В общем, всякая такая ерунда.

Название «Лавка малых дел» происходило от «теории малых дел», в которую верила тетя Фи. Она считала, что любой товар, купленный в лавке, приносит его обладателю

немного добра и хоть чуть-чуть, но меняет его жизнь к лучшему. Обычно в лавке пахло травами, органическим улуном и свечами с терпким ароматом, которые мама с тетей зажигали на прилавке, но сегодня в воздухе витал едкий, неприятный запах. Он обжег мне горло. Мне захотелось прополоскать рот; я огляделась в поисках воды и увидела на прилавке запотевший бумажный стаканчик с ледяным кофе и отпечатком темной помады тети Фи на соломинке. Я коснулась стакана рукой. Он был еще холодным.

– Мам? – позвала я снова. – Тетя Фи?

Я включила свет и вошла в пустой торговый зал. Здесь все было молочно-белым или серым, как старое обветренное дерево. На этом фоне каждый выставленный предмет казался произведением искусства. Я же первым делом обратила внимание на полоску цвета ржавчины на прилавке.

Кровь. Непохоже, чтобы у кого-то она пошла носом – слишком большое было пятно; но и на убийство непохоже, для целого трупа крови маловато. В крови лежал пучок волос. Я пригляделась и поняла, что это не волосы, а клочок меха, серо-бурого, переливчатого. Кроличьего.

Голова загудела, запульсировала. Не мигрень, пока еще нет.

Я повернулась, бросилась к черному ходу, выбежала на ровный бетон. Упала на колени в тонкой тени фонаря и набрала мамин номер. В воздухе висела приторная взвесь, и мне было трудно дышать.

Звонок переключился на голосовую почту. Мама часто забывала телефон в машине, батарейка садилась, голосовые сообщения копились и копились.

Значит, остается тетя Фи. Ее телефон работал, но после нескольких гудков тоже переключился на голосовую почту. Я выругалась так громко и цветисто, что продавщица кондитерской с убранными в хвост волосами, курившая вейп в паре метров от меня, выпалила:

– Ого!

Я сбросила звонок и села на велосипед. Уезжая, слышала за спиной ее смех.

* * *

Тетя Фи жила в двухэтажном коттедже в конце улицы, вдоль которой стояли такие же дома – самый дешевый вариант пригородного жилья для семей с одним ребенком. Машины у дома не было. Я заглянула в окна гаража: он тоже был пуст. Позвонила в дверь, но никто не ответил.

Стоя на крыльце, уже думала залезть в окно, но тут мой телефон подал признаки жизни.

Прослушала звонок. Скоро перезвоню, ок?

Тетя Фи. Тиски, сжавшие мое сердце, разжались; я села на крыльцо.

Я ходила в лавку. Что случилось? Вы где?

Дом за спиной казался живым. Там никого не было, но по-

ка я ждала ответа, у меня волосы на затылке встали дыбом. Предчувствие заставило меня подняться с крыльца и шагнуть на траву. Я обернулась и посмотрела на пустые окна.

Извини, Айви, – ответила тетя. – Возникли проблемы, но уже все хорошо. Скоро перезвоню.

Я прочла, а потом перечитала ее ответ, пытаясь понять, отчего на душе скребут кошки. Медленно выдохнула. Потерла шею, чтобы избавиться от мурашек.

А кролики тут ни при чем?

На этот раз тетя не ответила. Я еще немного постояла на траве, подождала, но телефон молчал.

Глава девятая

Город Тогда

К пятнадцати годам я научилась быть разной. С папой – капризной и требовательной воображалой. В школе – тихоней. С Фи я была собой, никогда не задумывалась, что надо кем-то притворяться. В электричке, на улице казалась непроницаемой, как пуленепробиваемое стекло.

А вот Марион всегда была одинаковой. Притворяться она не умела, и не стала бы. Иногда я уважала ее за это, а иногда злилась, что она отказывалась лгать. Мы с Фи умели быть незаметными и умели притвориться крутыми, но Марион всегда была собой и наотрез отказывалась быть кем-то другим. Ее честность смущала, она была резкой и не понимала шуток, разве что шутила сама. Если ей что-нибудь не нравилось, она сообщала об этом клиентам вслух, а не вполголоса. Приставал осаживала, не стесняясь.

Ее несогласие идти на компромисс придавало смелости и нам. Она выманила нас из нашего квартала, и вместе мы исследовали город, вытянувшийся на карте подобно длинному хребту диковинного зверя. Мы смешивались с толпой и проходили на фильмы для взрослых, притворившись, что в кинотеатре нас кто-то ждет. В два часа ночи гуляли под виаду-

ком мимо спальных мешков и украденных тележек из супермаркетов, в которых бомжи хранили свои вещи. А в кругло-суточных забегаловках брали кофе с одним кусочком пирога и сидели за столиком всю ночь рядом с верзилами в рабочих сапогах и грязными панками, стряхивающими пепел в тарелки с яичницей.

Марион начала работать у нас в середине зимы, когда город лежал полумертвым под слоем ледяной крупы. А в конце марта, в начале оттепели, мы сидели на пляже в Фарвелле, пропахшие жареной рыбой, и передавали друг другу бутылку полынной настойки.

Вечером на пляже было полно народу. Никто не обращал на нас внимания. Было по-весеннему тепло, Марион включила «Йо Ла Тенго» на своем бумбоксе. Она расслабилась, что случалось с ней нечасто, и лежала на песке, опираясь на локти. Фи положила голову мне на колени, я заплетала ее черные волосы в две нетугие косички, а потом расплетала, заплетала и расплетала, словно перебирая четки. Двое мужчин шли у кромки воды. Один из них заметил нас, схватил друга за руку, и они направились в нашу сторону.³

Я пошевелила коленом, Фи села.

Они шли к нам: два белых парня в полосатых рубашках и светлых хлопковых брюках. Тот, кто увидел нас первым, был длинным и тощим, как хореk, волосы осветлены и уложены

³ Культовая американская инди-рок группа, основана в 1984 году и существует до сих пор.

гелем. Его друг чуть ниже ростом, молодой, а брюшко, как у старого деда. К тому же он умудрился обгореть до красноты. Они остановились в паре метров от нас, закрыв нам вид на озеро.

– Добрый вечер, дамы, – заплетающимся языком проговорил Хорек. Он был так пьян, что у него взгляд не фокусировался.

– Джентльмены, – ответила я, – хорошо повеселились в «Адмирале»?

– Мы не были в «Адмирале», – растерянно ответил краснотлицый.

– Она прикалывается, – ухмыльнулся Хорек. Я знала таких, как он: с виду хиханьки-хаханьки, а внутри черная дыра. Он по очереди показал на нас пальцем – сначала на Марион, потом на Фи и на меня. – Дайте угадаю. Ты шлюшка, ты нахалка, а ты, значит, грустная девочка-эмо.

– Я люблю эмо, – сказал краснотлицый, с улыбкой присоединившись к разговору. – Я играл в эмо-группе. В старших классах.

Хорек обнял его за плечи.

– Слышали? Кто из вас хочет трахнуть рок-звезду?

– Что? – Краснотлицый еле стоял на ногах. – Чувак. Они же дети.

– Не интересуется, – ледяным тоном ответила Фи, – идите, куда шли.

Хорек плюхнулся рядом с ней на песок.

– Идите, куда шли? Да кем ты себя возомнила? Джонни Корлеоне? «Идите, куда шли».

– Вито Корлеоне, – поправил его краснолицый. – Пойдем, Мэтт. Нечего нам тут делать.

Я умела подсластить пилюлю таким парням, как эти. *Извините, у меня есть парень.* И все такое прочее. Но полынная настойка будоражила кровь, и я злилась, что Марион молчит.

– Друг дело говорит, Мэтт, – выпалила я. – Ты урод. И никому из нас не нужен.

Маска сползла с его лица. Думаю, он хотел замахнуться и ударить меня, но образ «хорошего парня» мешал. Если ты притворяешься хорошим парнем, который никогда не бьет девчонок, как быть, когда какая-то дрянь тебя оскорбляет?

В итоге он почти нехотя наклонился ко мне и дважды постучал костяшками мне по голове. Сильно постучал.

– Повежливее, детка.

Я не успела ничего сказать и сделать: Фи встала между нами и оттолкнула его.

– Руки прочь, ублюдок, – процедила она. – Не трогай ее.

А потом вскочила Марион. Ее трясло, она сжала кулаки и выставила их перед собой. Губы шевелились, и лицо казалось безумным, словно в нее вселился дьявол, один глаз начал косить.

– Ах ты говнюк, – зашипела она.

У Хорька вырвался нервный смешок. Кажется, в тот мо-

мент мы все испугались.

– Вы зачем сюда пришли? – дрожащим голосом спросила она. – Что за дрянные мысли крутятся у вас в голове, когда вы лезете к девчонкам, которые вас знать не желают?

Он перестал улыбаться.

– Знать не желают, говоришь? Да я вам, уродкам, одолжение сделал, когда подошел.

Марион окаменела. Нет, не окаменела – *собралась*, вытянулась, как пламя, накрытое от ветра стеклянным колпаком. А потом заговорила низким, утробным голосом. Переливчатым полушепотом, от которого у меня заledenело сердце.

– Мысли его, покажитесь. – Она заговорила громче и увереннее: – Пусть черные мысли вылетят наружу. Пусть атакуют его не изнутри, а извне.

Парни переглянулись.

– Ну все, я сваливаю, – бросил Хорек и хлопнул ладонями о колени. – Ненормальные какие-то.

Он начал вставать, и тут что-то село ему на щеку. Какое-то переливающееся стрекошущее насекомое, вроде цикады с алыми кружевными крылышками и черным панцирем. Он смахнул его со щеки.

Вторая цикада села ему на висок. Эту он прихлопнул и размазал по лбу; над бровью остался грязный мокрый след.

– Что за черт, – пробормотал он, разглядывая ладонь.

Прилетела третья тварь – спикировала из темноты и уселась ему на скулу.

А потом четвертая.

Под тошнотворный стрекот крыльев они царапали тонкими лапками его лоб, щеки и шею, открытый участок кожи на груди. Он отмахивался; кожа покраснела, выступил пот.

– Да что это... что вы за... – Цикада села ему на губы. Он смахнул ее рукой, застонал, а потом закричал – к нему летел целый рой. – Нет, – выпалил он. – *Нет, нет, нет, нет...*

Потом он замолчал, сжал губы, спасаясь от нападения. Упал и закричал с закрытым ртом, зарылся лицом в песок. Я не знала, кусали ли его насекомые, жалили ли или просто ползали по коже, но их становилось все больше и больше.

Я в ужасе отпрянула. Фи засыпала его песком, видимо, пытаясь отогнать насекомых. А Марион просто смотрела. Ее рот был открыт, а лицо напоминало пустую комнату, из которой кто-то только что вышел, хлопнув дверью.

– Помогите! – кричал краснолицый. – На помощь!

Мужчина с рюкзаком у воды замедлил шаг и взглянул в нашу сторону. Два велосипедиста на дорожке слезли с велосипедов и смотрели на нас.

– Уходим, – Фи взяла наши вещи. Ее голос был спокойным, но твердым. – Пошли, сейчас же, Марион, *mueve tu culo*⁴!

Марион очнулась от ступора. В глазах читалось потрясение; она смотрела на происходящее, как будто это было не ее рук дело. А потом бросилась бежать.

⁴ Шевели своей задницей (*исп.*).

– Стой! – закричал краснолицый. Он стоял на коленях рядом с приятелем, корчившимся на песке – но все же не слишком рядом. – Вернитесь!

Мы побежали прочь. Я несла бумбокс Марион. Слезы застилали мне глаза, колени подкашивались от страха, и когда мы выбежали на Морс-роуд, я почти валилась с ног.

– Хватит, – выпалила я, – остановитесь.

Мы схватились друг за друга, обнялись, и, кажется, даже засмеялись. Потом Марион резко отпрянула, и ее стошнило на траву картошкой фри и полынной настойкой. После мы помогли ей встать и гладили ее по спине, пока она плакала.

* * *

Что ты сделала?

– Не знаю, – повторяла Марион. – Не знаю.

Как ты это сделала?

Ее ботинки запачкались в блевотине. Она вытерла их о бордюр.

– Хватит меня спрашивать, правда. Я не знаю.

По голосу мы поняли, что она не врет. И на время замолчали – пока сил хватило терпеть. А потом выпалили:

А нас можешь научить?

Мы сидели на краю парковки у кафе «Доминик». Под ногами валялись пустые пакетики из-под чипсов. Фи сбегала и купила воды для Марион, а еще кукурузных чипсов, снежков

и печенья. Они показались мне страшно вкусными, восхитительными, напичканными искусственным усилителем вкуса сверх всякой меры, так, что язык защипало. Мы изумленно смеялись, набив рот солеными крошками, и вспоминали, как Хорек упал на колени, а потом зарылся лицом в песок.

– Да, – вдруг сказала Марион, и голос ее прозвучал робко, как у стыдливой невесты. – Если хотите, научу. Можем делать это вместе.

Если хотите, сказала она. Да кто ж не хочет научиться внушать страх, иметь силу, ставить ублюдков на колени? Мы хотели этого больше всего на свете.

Глава десятая

Пригород

Сейчас

Я подъехала к дому и увидела брата – он сидел на солнце и сворачивал косяк. Завидев меня, прищурился.

– Твоя губа уже лучше. Но разве тебе можно выходить из дома?

Я бросила велосипед у гаража.

– Подумаешь. Тебе вот все сходит с рук, даже кое-что похуже побега из дома.

Хэнк пожал плечами, словно говоря: ну да, сходит.

– Папа рассказал, что у вас случилось с этим мешком дерьма, твоим парнем. Хочешь, я ему наваляю?

– *Бывшим* парнем. Нет, не хочу.

– В следующий раз просто позвони мне, тупица. Я за тобой приеду.

– Так и сделаю, но ты уж, пожалуйста, возьми трубку. – Я присела рядом. – Ну что, Хэнк...

– Что, Айви?

– Знаю, ты не любишь эти разговоры. Никогда не любил. Но надо поговорить о маме.

Он старательно набивал косяк и не смотрел на меня.

– А может, не надо?

– Я серьезно, – не унималась я. – С ней что-то происходит. Ты в последнее время с ней не говорил?

– Говорил? С мамой? Смешная ты.

У них с мамой были своеобразные отношения, и я старалась в них не лезть. Обычно старалась.

– Слушай. Вчера я видела, как она закапывала что-то во дворе. Я пошла и раскопала.

Он не сразу ответил.

– И что?

– Там была банка с кровью. И осколками зеркала. Кровь, Хэнк! Что это может быть?

– А вчера было полнолуние?

Сердце забилося сильнее.

– Не знаю. Кажется, нет. А что?

– Белая женщина из пригорода, увлекающаяся эзотерикой – что еще она может делать в полнолуние? Небось вычитала в книжке заговор на изобилие.

В его словах была логика, и меня это разозлило. Я достала телефон и показала ему фото мертвого кролика.

– Хорошо, но на днях я нашла вот это перед нашим домом. И я только что ездила в лавку. Она почему-то была закрыта, но я уверена, что там тоже был кролик. Такой же, на полу.

Он взглянул на экран и отдернулся.

– Бр-р. Зачем это фотографировать? Насчет кролика не знаю, но видел, как папа поливал дорожку из шланга. Думаю,

это дети кукурузы сделали. Тот странный мальчик из голубого дома.

– Питер.

– Ага, Питер. Но если боишься, поговори с тетей Фи.

– Я ей написала. Она обещала перезвонить.

– Вот и хорошо. – Он смотрел на меня затуманившимся взглядом. Потом покачал головой. – Если бы что-то случилось, она бы сказала. Мама ни за что не признается, но тетя Фи – та сказала бы.

– Наверно, – ответила я и засомневалась. Рассказать о сейфе в шкафу или нет?

Пока рано, решила я. Он сам захочет туда заглянуть. Или скажет, что я делаю из мухи слона. В любом случае я только разозлюсь.

Хэнк взял свернутую самокрутку.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Ну и ладно. – Он положил косяк в жестянку из-под мятных драже и смахнул крошки травы с коленей, словно собирался встать. Но я еще не закончила, поэтому открыла рот и выпалила первое, что пришло в голову. Что давно крутилось в голове, как вода в раковине вокруг слива.

– Помнишь Хэтти Картер? – спросила я.

– О боже, – он рассмеялся. – Кто не помнит Хэтти Картер.

– Да, но ты знал, что она надо мной издевалась?

– Над тобой кто-то издевался? Серьезно?

— В школе все над кем-то издеваются. Или над тобой, или ты сам. — Я старалась быть невозмутимой, но Хэтти Картер причинила мне немало зла. Заливала мне в шкафчик вишневую колу. Рассказывала всем, что я шлюха. По воскресеньям накануне новой учебной недели у меня от страха болел живот. А главное, я не понимала, зачем она это делала. Из общих предметов у нас был только спорт, и Хэтти терроризировала меня неделями, пока учительница не застала ее в тот момент, когда она посылала мое фото из раздевалки в нижнем белье своим друзьям. Это уже тянуло на подсудное дело, так что администрация в кои-то веки решила вмешаться.

И вмешалась: однажды нас забрали с урока и вызвали в кабинет директрисы вместе с родителями. Директриса произнесла речь, в которой не было никакой конкретики. Кажется, она обвиняла и меня — про школьные группировки, ответственное пользование телефоном и о том, какие мы все разные и как важно относиться к этим различиям с пониманием. Мама смотрела на нее так, будто хотела убить взглядом. Хэтти написала письмо с извинениями зеленой гелевой ручкой и украсила его стикерами-щеночками с блестками. Директрисе это показалось милым, но я-то знала, что это проявление пассивной агрессии со стороны чудовищной хабалки, которая полгода бросалась на меня в коридорах и совершенно не раскаивалась.

Мой отец сидел с негодующим и хмурым лицом, обняв меня за плечи. Отец Хэтти смотрел ленту в телефоне и даже

не притворялся, что слушает. Ее мать не пришла. Моя сидела с вежливой миной, сложив руки на коленях и со странной улыбочкой на губах. В конце она встала и с той же улыбочкой сообщила директрисе, что ее так называемое «вмешательство» – фарс и до конца года она вылетит с этой работы, затем вцепилась мне в плечо и вывела меня прочь.

Мама оказалась права. Через несколько месяцев директриса уволилась «по собственному желанию» после волны слухов, связанных с сообщениями сексуального содержания, которые она посылала бывшему ученику, только что закончившему школу. Может, мама просто угадала, что ее уволят, а может, скандал с перепиской сыграл ей на руку: если бы не он, мама наверняка подложила бы директрисе в машину героин. От Даны Новак можно было ждать чего угодно.

А вот Хэтти поплатилась раньше. Школьное шоу талантов состоялось теплым апрельским вечером всего через неделю после того, как она хищно скалилась на меня в кабинете директрисы. Я пела в хоре – мы подпевали красивой десятикласснице, которая выбрала песню «Ты не можешь всегда получать желаемое» и ни разу не попала в ноту. Когда на сцену поднялась Хэтти, я уже сидела в зале и потела под накидкой из полиэстера.

Хэтти пела под фонограмму. Ее голубые глаза были жирно подведены глиттером, выпрямленные волосы струились блестящим водопадом. Я знала, что внутри она прогнила насквозь. Это настолько не вязалось с ее внешней красотой,

что мне хотелось кричать.

На сцене она держалась деревянно, без всякого изящества, хотя ее друзья всю дорогу подбадривали ее криками. Пока она не замерла посреди подмостков. Музыка играла, но Хэтти не шевелила губами. Она схватилась за живот. Мне показалось, что ее сейчас стошнит.

Но ее не стошнило. Она неуклюже потрусила влево на ватных ногах; глаза, обведенные глиттером, испуганно смотрели в зал. Никто не понял, что произошло, но это было неважно. К утру вся школа до последнего первоклассника знала, что несгибаемая Хэтти Картер на сцене наложила в штаны.

Когда она убежала за кулисы и все принялись растерянно оглядываться, ерзать в своих креслах и нервно посмеиваться, я взглянула на мать. Мне казалось, что мама ненавидела Хэтти не меньше моего. Я ждала, что она посмотрит на меня и улыбнется, подмигнет, прошепчет: так ей и надо. Но она смотрела прямо перед собой, странно вздернув подбородок, и не сводила глаз с того места, где только что стояла Хэтти. А на губах играла та же зловещая улыбка, как тогда, в кабинете директрисы.

Я вспомнила об этом сейчас, подумала о Нейте, моей рассеченной губе и его рассеченной губе. Вернулось смутное предчувствие, все эти годы не дававшее мне покоя — я поняла, что моя мама вела себя как мама, лишь когда чувствовала необходимость защитить нас. Как ревнивый парень. Как маленькая девочка, которая не хочет, чтобы другие играли

с ее куклами.

– Тот случай с Хэтти на шоу талантов... Мама тогда как раз узнала, что та надо мной издевалась. – Я запнулась. – А тренера Кина помнишь?

– Этого маньяка? – презрительно фыркнул Хэнк. – Такое забудешь.

– Ему так и не поставили диагноз. А заболел он через несколько дней после того, как накинулся на тебя. – Я посмотрела на Хэнка. Вблизи его глаза меня пугали – большие, голубые, мамины. – Думаешь, он... ты когда-нибудь думал, что мама...

– Айви! – Хэнк ударил кулаком по колену, потом разжал кулак. – Прекрати. Ты слишком много думаешь.

– Слишком много думаю? – Я отвесила ему щелбан. – Боишься, что мой глупенький маленький мозг сломается?

– Да нет, просто... это же наша мама, Айви. Ты же ее знаешь. Просто тебе нечем заняться, вот и выдумываешь всякое... Сиди дома, жди, пока твое наказание закончится. Просто смирись. И все будет, как раньше. Просто не волнуйся, ладно? Волноваться смысла нет.

К дому Пэкстона на противоположной стороне улицы подъехал фургон. Из него вышел Билли и еще трое ребят – две девчонки и парень из нашей школы. Может, одна из этих девчонок – подружка Билли?

Хэнк хлопнул меня по плечу, да так сильно, что локоть соскользнул с колена.

– Хватит паяльаться. А Пэкстон настоящий красавчик, скажи?

Я нахмурилась.

– Я просто смотрю в одну точку! На его дом!

– Ага, на его дом, как же.

Билли открыл дверь, и его друзья вошли в дом. Прежде чем зайти, он задержался на крыльце и посмотрел на меня. А я вспомнила рисунок из сигарной коробки и его лицо, более юное, испещренное звездочками-веснушками; вспомнила и отвела глаза.

– Заткнись, Хэнк. А то он тебя услышит.

– Не знал, что у него сверхзвуковой слух, как у летучей мыши. Очень секси.

Билли зашел и закрыл за собой дверь, а Хэнк повернулся ко мне.

– У вас что-то было?

Я откинула голову назад и простонала.

– Хэнк, мне было двенадцать. Кто в двенадцать лет умеет деликатно отказывать? Я смутилась, только и всего.

Я до сих пор сгорала от стыда, вспоминая тот случай в седьмом классе. На второй неделе учебного года Билли Пэкстон, шестиклассник из дома напротив, подошел ко мне и сказал: «Айви, хочешь со мной встречаться?» В его лице читался испуг и решимость, будто я стояла перед ним с винтовкой в утро перед расстрелом.

Я изумленно уставилась на него; мы оба густо покрасне-

ли, а другие ребята уже столпились вокруг в ожидании спектакля. «Нет, спасибо», – наконец ответила я механическим, как у робота, голосом, развернулась и убежала в туалет. С тех пор мы не разговаривали – до того вечера, когда он постучался в машину Нейта. Ни словом не перемолвились.

– Ты просто Снежная Королева, Айви, – сказал Хэнк. – Бедняга Билли.

Я фыркнула, и тут его телефон завибрировал в десятый раз с тех пор, как я села рядом. Шумно вздохнув, он достал его из кармана. На экране появились сообщения от его бойфренда из колледжа, целая куча, и все без ответа. Хэнк любил помучить людей.

Он махнул на меня телефоном.

– Иди в дом. Мне надо порвать с Джаредом.

Я наклонила голову и прочитала последнее сообщение. «Ты ведешь себя странно или у меня паранойя?».

– Ну ты даешь, – сказала я. – Когда пытаешься порвать с кем-то в переписке, надо хотя бы на сообщения отвечать. А то совсем нехорошо получается.

– Ясно, – ответил он, то ли не поняв мой укор, то ли не желая реагировать. Но когда я встала, вытянул руку и схватил меня за щиколотку.

– Айви, послушай. Я бы не лез в мамины дела. Просто дружеский совет.

Я потерла руку, по которой побежали мурашки.

– О чем ты?

Он смущенно заерзал, не глядя в мою сторону.

– Пусть делает, что хочет. Все равно нас скоро здесь не будет.

Его телефон зазвонил.

– Теперь он мне звонит! – ахнул он и замахал на меня рукой, чтобы уходила.

Я пошла на кухню и умылась водой из-под крана. Все утро я пробегала, воображая себя детективом, и ничего не выяснила, а зловещее предчувствие только усилилось. Предостережение Хэнка, кровь на полу лавки... Нейт, Хэтти Картер, загадочный предмет из сейфа. И тетя Фи так и не позвонила.

Потом я вспомнила адрес, нацарапанный на старом чеке. Погуглила – это оказался магазин в университетском городке к северу от ближайшего крупного города. Цветочный и по совместительству книжный. Я позвонила.

– «Цветы и книги», – раздался в трубке бархатистый женский голос. Название магазина женщина произнесла с вопросительной интонацией.

– Добрый день! Меня зовут... простите. Хотела спросить, давно вы находитесь по этому адресу?

На том конце провода замолчали.

– Осенью будет восемь лет.

– А что там раньше было, не знаете?

– Музыкальный магазин. Дайте вспомнить... «Доктор Вакс», кажется, он так назывался.

– Значит, двадцать пять лет назад там был музыкальный

магазин?

– Нет... простите, можете подождать? – Она заговорила снова, но не со мной – наверно, с клиентом, голос звучал приглушенно. Несколько минут они переговаривались и смеялись. Потом она вернулась ко мне. – Вы слушаете?

– Да.

– Так вот. Музыкальный магазин был по соседству. А это помещение долго пустовало. Двадцать с чем-то лет назад тут было заведение... называлось «Между мирами».

Я прижала телефон к уху.

– «Между мирами»? Так и называлось?

– Да, – ответила она. – Знаете, я сама не отсюда... давайте дам вам хозяйку.

В трубке послышался шорох, а потом новый голос. Менее дружелюбный и явно принадлежавший женщине постарше.

– Алло? Вас интересует история нашего дома?

– Да. Именно так.

– Можно поинтересоваться, почему?

Я заранее не придумала, что соврать, поэтому сказала правду.

– Кажется, моя мама там часто бывала. В том заведении, что раньше находилось на месте вашего магазина.

Повисла короткая тишина. Когда она снова заговорила, в ее грубоватом голосе послышалось что-то еще – что именно, я не поняла.

– Она, наверное, была одной из девочек Шэрон.

В доме стало очень тихо. Только ставни поскрипывали на ветру.

— Да, точно, — ответила я. — С ней-то я и пытаюсь связаться.

Я думала, она скажет: Шэрон умерла. Или: ах ты лгунья, нет никакой Шэрон, я ее выдумала! Но она сказала:

— Хорошо, оставьте свое имя и телефон. Ничего не обещаю, но я ей передам.

Я оставила и назвала мамино имя тоже. Потом плюхнулась на кровать и уставилась в потолок, а мысли в голове кружились, как листья на ветру.

Глава одиннадцатая

Город

Тогда

Через два дня после происшествия на пляже мы сели в автобус и поехали в северную часть города.

Раньше Марион нас в гости не приглашала. Не знаю, что думала Фи, но мне казалось, что Марион – такая же, как мы. Не настолько бедная, чтобы брать бесплатную одежду из ящика в церкви, не настолько, чтобы выселяли из квартиры, но все же бедная. Она и одевалась, как мы – в заношенную одежду из секонд-хендов. Рисовала колечки на пальцах, подводила глаза шариковой ручкой и зарабатывала копейки, разнося тарелки с рыбными палочками строителям и угрюмым работягам из нашего квартала. Мы не думали, что у нее водились деньги.

Стоял холодный и ветреный весенний день, когда воздух прозрачен и чист и весь мир предстает перед глазами с особой четкостью, но все еще очень холодно и ветер пробирает до костей. Мы ехали всего полчаса, а выйдя из автобуса, словно очутились в волшебной стране Оз. Лужайки здесь заросли мягкой ровно подстриженной травкой, лица прохожих были довольными и сытыми. Из-за облаков пробивались рассеянные солнечные лучи – здесь, в пригороде, даже сол-

нечный свет казался роскошным.

Наступая дешевыми кедами на обмахрившиеся штанины джинсов, Марион вела нас по улицам своего университетского городка мимо домов, виднеющихся среди разлива зелени, как парусники на волнах. Свернув на асфальтированную дорожку, ведущую к просторному коттеджу в традиционном американском стиле, мы с Фи тайком от Марион переглянулись. Нашими взглядами можно было резать картон.

В безупречном доме Марион мы почувствовали себя букашками. Мы разглядывали вещи, стоявшие здесь просто для красоты и не имевшие никакой практической пользы. Открыв холодильник, обнаружили там свежавыжатый апельсиновый сок и хумус вместо дешевого пива и заветренной колбасы. Клептоманкой у нас была Марион, но у нее дома пальцы зачесались и у меня. Я стащила старинный пятицентовик с головой индейца, лежавший в деревянной пепельнице, и тоненький сборник стихов Мэри Оливер, забытый на подлокотнике кресла-качалки. Фи наблюдала за мной, поджав губы.

Дом Марион был как исповедь. Ее грехи предстали перед нами как на ладони: теперь мы знали, что у нее есть пианино, что она моет голову дорогим шампунем известного бренда. И каждый день засыпает на кровати с четырьмя столбиками, под балдахином в розочках. Даже у ее кровати была юбка.

На столике у кровати стояла фотография: Марион лет в двенадцать, улыбающаяся, в танцевальном костюме из жел-

того атласа, отчего ее кожа казалась нездорово бледной; мазок розовой помады на губах. Я провела пальцем по стеклу и заметила, что мой черный маникюр облупился.

С момента, как мы переступили порог, мы молчали, но теперь я рассмеялась. Этот смех вместил в себя всю мою зависть, все мое предательство и презрение. Фи дотронулась до стеклянной статуэтки единорога, застывшего в прыжке. Я никогда не слышала, чтобы ее голос звучал так жестко.

– Зачем тебе это? – спросила она.

Она хотела спросить – зачем тебе магия. Прошло всего несколько дней с тех пор, как мы узнали, что волшебство существует, но уже понимали, что колдуньями не становятся те, у кого все благополучно.

Марион стояла в центре своей роскошной комнаты, как сорняк на пушистом желтом ковре.

– Долгая история. Готовы слушать?

Мы пожали плечами. Две юркие городские мышки, мы оставляли вмятины на дорогом ковре. Но в конце концов сели и стали слушать.

* * *

Марион родилась, когда ее родители были уже пожилыми, а братья давно выросли и уехали из дома. Мать с отцом баловали дочь, но были холодны и поручили ее воспитание няням, у Марион их было несколько.

Она пыталась быть хорошей дочерью. Ей казалось, что она в долгу перед родителями, в родном доме она чувствовала себя гостьей и ходила на цыпочках. Она считала себя виноватой в родительской холодности и думала, что еще может все исправить. Но чем старше она становилась, тем больше они отдалялись друг от друга.

Ей было двенадцать, когда она наконец отчаялась угодить им. В один прекрасный день она окинула взглядом свою жизнь и поняла, что она ей не принадлежит. Ее прежнее детское «я» казалось ее мертвой сестрой, бродившей по дому, как привидение. Стены были увешаны ее фотографиями, но по ночам в кровати с балдахином ворочалась совсем другая Марион. А может, она ошибалась. И привидением на самом деле была она сама.

В свободное от школы время она бродила по кампусу университета, где преподавали ее родители, тайком пробиралась на лекции и сидела в заднем ряду, читала книги на лужайке. В университете было две библиотеки. Она часто бывала в одной из них, главной – в здании из красного кирпича, где в кабинках для индивидуальной работы ярко горели лампы, и студенты сновали туда-сюда. Вторая библиотека – рай для ученых умов, – была пристроена в 1940-х, но Марион туда никогда не заходила. Она даже не знала, где эта библиотека находится.

Но однажды промозглым вечером в понедельник она ее нашла.

Она бродила без дела с тех пор, как закончились занятия в школе, и убивала время под зимним небом, голубым, как кольцо, меняющее цвет. Почти настало время ужина, но дома ее никто не ждал: мама работала с девяти до шести, отец вел вечерний семинар. Она отошла на милю от дома, забыла шарф. Почему-то хотелось плакать. Задумавшись, она решила, что незнакомый переулок поможет сократить путь.

Старые фонари в переулке отбрасывали на лицо уродливый оранжевый отблеск, их гудение отдавалось в зубах. Марион быстро поняла, что заблудилась, но все равно шла вперед, пока дорожка не вывела ее на круглую замерзшую лужайку.

На краю лужайки стояло самое странное здание из всех, что она когда-либо видела. Многоэтажный франкенштейн – чудище с окнами странной формы и многочисленными пристройками. Судя по надписи на медной табличке над входом, это и была вторая библиотека.

Марион взглянула на часы – у нее были «Свотч» цвета розовой орхидеи. 17:35. Она толкнула резную деревянную дверь и вошла. До закрытия библиотеки оставалось всего двадцать пять минут, но за это время Марион успела в нее влюбиться.

* * *

У здания была эксцентричная планировка и множество

потайных кармашков и уголков, как у адвент-календаря. Там были незаметные ниши и запертые двери, лесенки, ведущие на полуэтажи, и читальный уголок на третьем этаже, который Марион сразу объявила своим. Повсюду попадались витражи: девушка с ножом и яблоком на лестничной площадке наверху; в зале на третьем этаже – лисица, свернувшаяся калачиком под розовым кустом.

Этой библиотекой могли пользоваться только научные сотрудники университета и ученые, приезжавшие с лекциями, но Марион была дочерью двух почтенных профессоров, а ее мать заведовала кафедрой антропологии, и ее все боялись. А еще Марион была тихоней: не робкой, не милой – просто незаметной. Взрослые ее просто не видели. И охранник у дверей библиотеки махнул рукой, приглашая ее войти.

Внутри всегда было холодно, как в соборе. Холоднее всего – в подвальном этаже с многоярусными книжными полками и тускло освещенными читальными залами. Ковры поглощали любые звуки, возникала иллюзия, что в библиотеке, кроме нее, никого нет, пока какой-нибудь старый профессор не начинал тарашиться на нее, как на близнецов из «Сияния».

В призраков Марион не верила – ее родители развенчивали любые страхи, спокойно научно объясняя их, и хотя это раздражало, метод был эффективным. Но подвальный этаж библиотеки, казалось, состоял из нескольких слоев. Века оставили на нем отпечаток, чешуйчатая лапа истории хватала за горло. В подвал Марион старалась не соваться.

Марион долго ждала, что ее жизнь изменится, надеялась и *молилась*. Но ее жизнь напоминала порванную киноленту. Ей было двенадцать, когда она обнаружила библиотеку. А в четырнадцать Марион, ставшая чуть выше, чуть более одинокой, чуть более озлобленной на мир за свое одиночество, однажды спряталась в библиотеке от сентябрьской грозы. Гроза еще не началась, но она чувствовала ее приближение – от тротуара шел пар, пахло свежим перегноем.

Когда Марион вошла, охранника на месте не оказалось. За библиотекарской стойкой тоже никого не было. Она давно сюда не приходила. Книги всегда казались лекарством от одиночества, но в последнее время она задумалась, не являются ли они его причиной. Она перешла в девятый класс, и одноклассницы сразу дали ей понять, что она чужая. Они делились друг с другом блеском для губ, историями о том, кто добрался до «третьей базы», и затасканной книжечкой «Моя милая Одрина», которую Марион давно уже прочитала. Никто не был с ней груб, но и блеском для губ тоже никто не делился.⁵

Одевалась она хорошо – мать за этим следила. И уродиной не была. У нее был приятный голос, от нее хорошо пахло, и

⁵ Готический роман Вирджинии К. Эндрюс.

вокруг было много куда более странных ребят – и даже у них были друзья. Почему же она всегда одна? Почему?

Она бежала по главной лестнице, спотыкаясь в высоких кедах, когда увидела птицу. Точнее, почувствовала: пулю с крыльями, пронесшуюся мимо ее плеча так близко, что волосы взметнулись. Птица села на верхнюю ступеньку лестницы, взглянула на нее. Красный кардинал – яркий, странный, как гость из другого мира.

Марион вытерла мокрые от слез глаза.

– Привет, – поздоровалась она.

Птица вспорхнула и улетела. Марион пошла за ней и спустилась по лестнице, надеясь, что птица вылетит через входную дверь, но та свернула налево, обогнула лепной бордюр с рисунком из виноградных листьев и влетела в дверной проем, ведущий в подвал.

Марион замерла. Всего лишь глупая птица. Можно притвориться, что она ее не видела. Потом она поняла, что притворяться не перед кем, разве что перед собой, и показалась себе такой жалкой, что шагнула за птицей в темноту.

Впрочем, тут было не совсем темно. Свет на лестнице был тусклый и зеленоватый, Марион видела, куда идет. Она сунула руки в карманы, нащупала мягкий комочек старых бумажных салфеток, крошки от печенья и пошла искать птицу.

Та порхала наверху, словно красуясь перед ней. Марион недовольно шла за птицей через разделы средневековой военной истории, эпической поэзии, подразделы и подкатего-

рии, занимавшие лишь малую часть полок и обозначенные на карточках неразборчивыми надписями карандашом. Вот она, маленькая хулиганка, небось гадит на какое-нибудь ценное издание... но нет, улетела. Красные перья мелькнули под мраморной аркой, и Марион поспешила следом, глядя наверх. Птицы нигде не было. Вновь опустив взгляд, Марион ахнула.

Но не закричала. И биение сердца тут же замедлилось, а потрясение сменилось любопытством. Позже она думала, почему смогла так быстро восстановить душевное равновесие. Было это признаком самообладания или зла, она так и не поняла.

В центре зала стоял стол из темного дерева, инкрустированного орнаментом из фруктов более светлого оттенка. За столом на единственном стуле сидела незнакомая женщина лет сорока. Ее короткая стрижка «горшком» недавно снова вошла в моду. Навалившись на стол, она почти касалась его лбом. С порога Марион видела ее, видела, как тускло блестит ее остекленевший правый глаз.

В библиотеке можно было умереть и пролежать много дней, прежде чем кто-нибудь тебя хватится. Но эта женщина умерла совсем недавно. Во-первых, от нее ничем не пахло. Точнее, пахло, но как от живой. Слабым запахом кофе, кокосовым шампунем, приторной сладостью ароматизированных сигар. Марион наклонилась над трупом, и шелковистые волосы женщины под ее дыханием упали на лицо. Казалось,

она сейчас поднимет голову.

Ее черничная помада выглядела такой свежей, что Марион представила, как женщина стоит перед антикварным зеркалом в библиотеке и красит губы, глядя на свое подрагивающее отражение. В зеркале она, хоть и живая, уже казалась призраком. Тело еще не успело остыть, и чай в термосе все еще был горячим. Марион глотнула его и ощутила косметический привкус помады.

Под правой рукой женщины лежала книга. «Хаулетт-Хаус: история». Хаулетт-Хаус – так раньше называлось здание, где теперь находилась библиотека. Собственно, она и носила имя «Библиотека Хаулетт-Хаус». Марион нахмурилась; как-то даже обидно умереть с такой непримечательной книгой в руках. Но потом прочла текст на открытой странице и заметила, что в левой руке женщины – той, что под столом, – была еще одна книга. Книга и рука покоились во вместительной черной сумке, лежавшей на коленях у женщины. Она словно пыталась спрятать книгу от учителя, как нерадивая ученица.

Книга, которую прячут, безусловно, стоит того, чтобы вытащить ее из стынувших пальцев, особенно если обложка блеклая, без надписей, покособившаяся от времени и такая старая, что вполне могла быть личным дневником.

Где-то рядом в подвале Марион услышала голоса. Не испуганные, но торопливые и многочисленные. Так Марион поняла, что не первой обнаружила тело.

Она поспешно выпрямилась. Сунула в рюкзак книгу по

истории Хаулетт-Хауса и блокнот с белой обложкой. В сумке покойницы блеснул золотистый тюбик губной помады. Марион прихватила и его.

А потом тихонько выскользнула из зала. Круглым путем дошла до лестницы, поглядывая между стеллажей. Мимо пробежали два библиотекаря и врачи «скорой помощи» в форме. Когда они скрылись из виду, она бесшумно стала подниматься.

Снаружи на окна давила так и не начавшаяся гроза – тревожно-угрюмая, заряженная электричеством. Но в душе Марион больше не бушевала буря. Смерть затмила собой все остальное, все поглотила, заставила забыть все тревоги и успокоиться.

Марион села в своем уголке и стала читать главу, которую читала покойница перед смертью. В ней рассказывалась краткая биография человека, некогда жившего в здании библиотеки – Джона Хаулетта, эксцентричного наследника оружейной империи, построившего этот странный дом-химеру. Он умер в тридцать лет и оставил все состояние служанке. Та недолго пробыла хозяйкой дома – ее убили, скорее всего, племянник богача, унаследовавший дом после ее смерти.

Вероятно, делал вывод автор книги, она это заслужила. Ходили слухи, что служанка убила своего хозяина и изменила его завещание. Бывшие слуги утверждали, что она была его любовницей или хуже – сам Хаулетт был оккультистом, а она – его ученицей. Впрочем, правда, по мнению истори-

ка, была еще более странной – это Хаулетт был учеником, а служанка – беглой ведьмой, сбежавшей из Балтимора, где ее приговорили к смертной казни. Она практиковала свое ремесло по одной скандально известной книге заклинаний в обложке из человеческой кожи.

Если эта нечестивая книга когда-либо существовала – а историк считал это маловероятным, – ее давно должны были сжечь. Но некоторые считали, что ведьма спрятала ее в доме. Слуги, исследователи, гости Хаулетт-Хауса – книгу искали все, но безуспешно.

Читая эти строки, Марион чувствовала, как ее бросает в жар. Она не слышала ни голосов внизу, ни тяжелых шагов, ни треска полицейских раций. Дочитав, она потянулась к старинной книге, провела пальцем по крапчатой обложке. В глазах потемнело, она до крови искусала бледные губы. Наконец она открыла книгу.

В окна забарабанил дождь.

Она вошла в библиотеку одинокой девочкой, чтобы укрыться от грозы. А вышла, заронив в плодородную почву семена своего нового истинного «я» – семена, что хранились меж страниц оккультной книги заклинаний в переплете из человеческой кожи, которую она сунула в рюкзак.

Книга сулила ей другую жизнь, и Марион ревностно ухватилась за это обещание. Ее одежда из секонд-хенда, музыкальный вкус и пробитый вручную пирсинг в ушах стали выражением новой Марион, той, кем она стала в промежутке

между тем днем и днем сегодняшним, но они также были приманкой, поблескивающей в глубине. Ведь колдовать веселее в компании.

Три года спустя она явилась на первую смену в рыбную забегаловку – она устроилась туда тайком от родителей, чтобы накопить на жизнь, которую родители никогда не одобрили бы: жизнь, в которой не будет колледжа. И одного взгляда на Дану было достаточно, чтобы понять: она больше не будет одинока.

* * *

- Ты нашла труп, – пролепетала Фи.
- Это была профессор оккультных наук, – чопорно заметила Марион. – Она умерла от аневризмы.
- Ты *ведьма*, – сказала я.
- Оккультист. Практикующий маг. Называйте, как хотите. Я хочу им стать. И *стану*.
- Покажи нам, – сказала я.
- Книгу? Или колдовство?
- Все покажи. Все, что у тебя есть.
- Ага, – Фи улыбалась, –пусти нас.

Глава двенадцатая

Пригород

Сейчас

Наступила ночь, а я все пыталась сложить части головоломки.

Зарытая банка; сейф в шкафу. Мигрени, мертвые кролики, случай с Хэтти Картер. И эта фраза: «она была одной из девочек Шэрон». Естественно, я погуглила «Между миров» и «Шэрон между миров», но есть вещи, которых не знает даже интернет.

На языке вертелось слово, застряло, как маковое зернышко между зубов. Слово означало некое действие – скажем, *закопать в саду банку с кровью*, – чтобы что-то случилось где-то в другом месте, в другое время.

В голове звучал насмешливый голос Хэнка. *Белая женщина из пригорода, увлекающаяся эзотерикой – что еще она может делать в полнолуние?*

Допустим, он прав. Но что если... Что если просто предположить, что Луна к моей матери *прислушалась*?

Конечно, это бред. Если я в это поверю, то буду ничем не лучше самых чокнутых покупателей «Лавки малых дел»: тех, кто вбухивает деньги в травки, кристаллы и настои моей тетки. Разве блестящие камушки могут развеять тьму?

А если могут? Я сомкнула губы и нащупала языком затянувшуюся ранку. Я только один раз намазала губы бальзамом тети Фи и тут же его стерла. А рана зажила, как на Росомахе. Даже арника так не действует. Значит, правда. Значит обе они это могут.⁶

Может, зря я не верила раньше. Может, я была дурочкой, потому что не видела то, что было у меня перед носом, то, что могло скрываться за шрамами, молчанием, тайнами и вечной маминой скрытностью, с которой я научилась жить, — моя мать обладала сверхъестественными способностями.

Я осталась наедине с мельтешащими мыслями. Хэнк куда-то ушел, отец отправился на вечер настольных игр с друзьями из аспирантуры, где, наверное, изображал орка. Он написал в восемь: сообщил, что переночует в городе. Я перечитала последнее сообщение, которое отправила мне тетя Фи.

Извини. Возникли проблемы, но уже все хорошо. Скоро перезвоню, Айви.

Я подогрела в микроволновке тарелку печенья с шоколадной крошкой и села за стол на кухне. Кондиционер со вздохом завершил очередной цикл, и в доме наступила тишина. Я сидела спиной к двери в подвал, напротив окна. В темноте с включенным светом окно казалось зеркалом. В зеркале сидела незнакомка с платиновыми волосами и ела печенье.

Кто-то сейчас мог стоять за окном и смотреть на меня.

⁶ Герой комиксов «Люди Икс», обладавший способностью к самоисцелению — на нем затягивались любые, даже самые страшные раны.

Всего в нескольких метрах, а я бы даже не узнала.

Раздался глухой стук. Слабый, но отчетливый, не из-за окна, а с другой стороны дома, где раздвижные двери выходили на задний двор.

Печенье на языке превратилось в песок. Что-то билось о стекло – вот что это был за звук.

Я медленно встала, вцепилась в телефон. Прошлась по дому и выключила весь свет, чтобы видеть, что происходит снаружи, но самой оставаться невидимой. На заднем дворе было темно. Свет там включался автоматически, если кто-то заходил в патио. Я набралась храбрости, пробежала по ковру мимо зияющей темной пасти прачечной и резко отодвинула раздвижную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.